

БОКЛЪ.

ЛВ61п. 191

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛЮТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Г. Т. Бокль
Г. Т. Бокль
Г. Т. Бокль
Г. Т. Бокль

Г. Т. БОКЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева

Съ портретомъ Г. Т. Бокля, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Больш. Подъяч., № 39

1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1895 г.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

XXII—119948

Францъ Терпигорскій
М. Терпигорскій
Владимиръ Терпигорскій

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вмѣсто предисловія.	5
I. Дѣтство, отрочество, юность.	10
II. Пятнадцать лѣтъ въ библіотекѣ	26
III. «Исторія Цивилизаціи въ Англіи».	45
IV. Бокль въ обществѣ.	61
V. Послѣдній годъ жизни.	74
Заключеніе	76

ИСТОЧНИКИ:

- 1) Henry Thomas Buckle. Works.
 - 2) Alfred Huth. «Life and Writings of H. Th. Buckle».
 - 3) Longmore. «Reminiscences of Buckle». Atheneum, January 1875 г.
 - 4) Ch. Kale. «Personal Reminiscences of the late H. Th. Buckle». Atlantic Monthly 1863 г.
 - 5) «Biographical Sketch of Buckle». «Frazers Magazine» for September 1862 г.
 - 6) Droysen's Grundriss der Historik: «Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft».
 - 7) Flint. «The Philosophy of History».
 - 8) Glennie. «Mr. Buckle in the East». «Frazers Magazine» 1863 г.
 - 9) Idem. «Pilgrim Memories», London 1875 г.
-

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Бокль жилъ въ эпоху, богатую могучими дарованіями. Въ тѣ годы, когда создавалась «Исторія цивилизаціи въ Англіи», въ области естествознанія работали Дарвинъ, Ляйель, Гексли; въ области философіи — Милль, Бэнъ, Спенсеръ; исторіи — Маколей, Карлейль. Онъ былъ современникомъ Конта и Гельмгольца, и все же, какъ ни велики люди, окружавшіе его, его имя смѣло можно поставить рядомъ съ ихъ именами, его трудъ найдетъ себѣ мѣсто возлѣ «Положительной философіи», «Основныхъ началъ», «Логики». И виновато въ этомъ не только достоинство «Исторіи цивилизаціи», но и самый духъ, которымъ проникнуто сочиненіе.

Лишь на первый взглядъ «Геологія» Ляйеля, «Происхожденіе Видовъ» Дарвина и книга Бокля не имѣютъ между собой ничего общаго. Здѣсь толкуется объ образованіи земной коры, тамъ — о переходѣ одной разновидности животнаго міра въ другую, Бокль стремится формулировать законы исторіи. Но различіе предметовъ такъ-же скоро бросается въ глаза, какъ и единство духа, настроенія, мысли создавшихъ и новую эру въ изученіи природы, и новую эру въ изученіи человѣка и его исторіи.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ, не исключая Россіи, Англія наиболѣе энергично пережила тотъ періодъ, который можетъ быть названъ періодомъ торжествующаго естествознанія. Не особенно продолжительный — 20—25 лѣтъ, онъ оказался однако наиболѣе плодотворнымъ въ умственной жизни XIX столѣтія. Естествознаніе, его приемы, методы, его воззрѣнія на природу и человѣка вторглись во всѣ области знанія, пересоздали философію и психологію, ученія о нравственности и объ общественномъ строѣ. Бокль, Милль, Спенсеръ смѣло могутъ быть названы «естествоиспытателями» человѣка и его духовной жизни.

Разумѣется, эпоха торжествующаго естествознанія наступила не сразу. Она подготовлялась, и притомъ очень долго, разрозненными усиліями десятковъ и сотенъ людей. Бэконъ и Декартъ, Лапласъ и Лавуазье, Кювье и Биша — ея духовные отцы, дѣды и

прадѣды. Изучая природу, они постепенно приучали человѣка къ мысли, что въ окружающемъ его мірозданіи нѣтъ ничего случайнаго, произвольнаго, что все совершается по извѣстнымъ непреложнымъ законамъ—безразлично, возьмемъ ли мы движеніе планетъ или развитіе органовъ какого-нибудь животнаго, или соединеніе химическихъ элементовъ. Но послѣ ихъ трудовъ оставалась еще крупная и сложная задача—одухотворить той-же самой идеей изученіе человѣка и его исторіи, показать, что и здѣсь случай и произволъ не играютъ никакой роли, и приступить къ человѣчеству, какъ къ «естественному явленію».

Кажется, нѣтъ мысли, которая давалась бы съ такимъ трудомъ людскому пониманію, какъ эта. Предразсудки вѣковъ и тысячелѣтій должны были возстать противъ нея во всеоружіи своей сѣдины. Возмущалась гордость человѣка, возмущалась его слабость, отъ которой повидимому вмѣстѣ съ иллюзіей собственнаго величія отнималось послѣднее и самое сильное утѣшеніе. Онъ привыкъ считать себя центромъ мірозданія и чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ, перворазряднымъ. Видя вокругъ себя постоянный процессъ смерти и рожденія, видя, какъ равнодушно относится природа къ гибели живыхъ существъ вообще, какъ гибнутъ мириады цвѣтовъ и насѣкомыхъ послѣ перваго-же ночного мороза или какъ безжалостно ломаетъ буря молодые побѣги деревьевъ—онъ, пораженный ужасомъ и слушаясь своей гордости, заносилъ себя въ совершенно особую категорію живыхъ существъ и, провозгласивъ свою волю свободной, уничтожилъ всѣ нити, связывающія его жизнь съ жизнью остальной природы.

«Для воды, которая не можетъ не закипѣть при 80° тепла, для свѣчи, которая не можетъ не потухнуть въ углекислотѣ, для дерева, которое не можетъ не расти кверху,—есть свои законы. Для него, для человѣка, вѣнца созданія—нѣтъ законовъ. Онъ выше ихъ, онъ внѣ ихъ. У него—свободная воля, и эта свободная воля поступаетъ по-своему, независимо отъ обстоятельствъ, мотивовъ, расчета, ничему не подчиняясь, не зная себѣ господина.»

Эти мысли заключали въ себѣ неистощимый источникъ бодрости и душевной энергіи. Небольшая, но полная значенія фраза «я хочу»—являлась для человѣка таинственнымъ, сказочнымъ талисманомъ, передъ которымъ отворялись всѣ запертыя двери. Могущество времени, пространства, обстоятельствъ исчезали, и

стѣны ихъ тюрьмы рушились передъ свободной, независимой волей, не подчиненной ни времени, ни пространству, ни обстоятельствамъ. Ежедневный опытъ, опытъ дѣйствительности не научалъ ничему, не измѣнялъ ничего. Онъ только скользилъ по поверхности человѣческой мысли, въ глубинѣ которой таилась гордая увѣренность въ своемъ всемогуществѣ.

Разстаться съ такими идеями, войти въ цѣпь остальныхъ живыхъ существъ, признать надъ собою полную и безусловную власть климата, пищи, рельефа поверхности, законовъ исторіи—было слишкомъ мучительно или казалось такимъ на первый разъ по крайней мѣрѣ. Мысль о свободной волѣ давала не только утѣшеніе, она награждала человѣка сознаніемъ собственной силы, безъ чего самая жизнь была бы слишкомъ скучной, утомительной, ничтожной. И, несмотря на разрозненные, хотя и частые голоса дѣятелей науки,—люди крѣпко, упорно держались идей, бывшихъ для нихъ источникомъ живой воды. Пускай Коперникъ доказываетъ, что планеты движутся съ опредѣленной скоростью по извѣстнымъ орбитамъ—то планеты; пусть Ньютонъ даетъ свой законъ тяготѣнія—то законъ для тѣлъ, для матеріи; пусть Кювье говоритъ, что организмъ животного—точный отпечатокъ его пищи и обстановки—то животное. Воля человѣка сама въ себѣ носить источникъ дѣятельности, она опредѣляется сама собой.

XVIII-ый вѣкъ, въ лицѣ Монтескье, Вольтера, энциклопедистовъ, сталъ подкапываться подъ мысли, питавшія человѣческую гордость. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи смѣло, дерзко, подчасъ грубо, всегда-же односторонне. Въ глазахъ Кондильяка человѣкъ былъ не больше (!), какъ одушевленная статуя; въ глазахъ Монтескье общія причины исторіи значили ничуть не меньше, чѣмъ разумъ людей, и т. д. Историческая роль такихъ воззрѣній заключалась въ томъ, что послѣ нихъ оказалось уже возможнымъ приступить къ изученію человѣка, его прошлаго и настоящаго, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, совершенно отбросивши идею о его обособленности отъ остальной природы. XIX-ое столѣтіе попыталось осуществить эту задачу, и въ разсматриваемый нами періодъ (60-ые годы) принципы естествознанія совершенно подчинили себѣ изученіе человѣка. Чтобы понять, въ чемъ тутъ суть, приведу извѣстные слова Дарвина, сказанныя по прочтеніи имъ трактатовъ Канта о нравственности: «Я прочелъ

съ большимъ удовольствіемъ «Grundlegung» Канта. Мнѣ было интересно видѣть, какъ различно думаютъ два человѣка объ одномъ и томъ же предметѣ. Хотя я хорошо знаю, насколько дерзко ставить меня рядомъ съ Кантомъ, но мнѣ хочется обратить вниманіе на то, что *Кантъ, великій философъ, наблюдалъ исключительно свой собственный духъ, тогда какъ я — плохой философъ — путемъ наблюденія обезьянъ и дикихъ людей старался доискаться рѣшенія того же вопроса*. Иронія, проникающая эти строки, очень характерна.

Чѣмъ было вызвано это невиданное до той поры торжество естественныхъ наукъ — объяснить мы не беремся, къ тому-же такая задача завела бы насъ слишкомъ далеко. Исторія умственного движенія XIX вѣка разработана такъ мало, что невозможно пока установить органическую связь между отдѣльными эпохами. Ограничимся пока тѣмъ, что укажемъ на фактъ несомнѣнный и очевидный. Былъ на самомъ дѣлѣ періодъ, когда принципы естествознанія подъ формой положительной философіи Конта, синтетической философіи Спенсера, доктринъ Милля, историческихъ взглядовъ Бокля, ученія Дарвина о нравственности, системы Фейербаха — точно какимъ нибудь повѣтріемъ распространялись изъ страны въ страну.

Наша родина не избѣгла общеевропейской участи. Почти въ то же время, какъ Бокль издавалъ свою «Исторію Цивилизаціи», Дарвинъ подготавливалъ къ печати «Происхожденіе видовъ», Спенсеръ работалъ надъ послѣдними главами «Основныхъ началъ» («First Principles») — наша журналистика была переполнена статьями о Мошоттѣ и Бюхнерѣ, а естествознанію воспѣвались краснорѣчивые панегирики. Тогда писали: «Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики и вижу здѣсь очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственного развитія». Эта судьба «заключается въ изученіи природы и въ изученіи человѣка, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ». Намъ остается слѣдовательно идти по дорогѣ, проложенной европейцами, «ибо мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую груду фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время исторія и политическая экономія прислоняются къ изученію природы и постоянно очищаются отъ примѣси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ

законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и приемы опытныхъ наукъ проникли и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшаясь отъ школьныхъ фантазій, наука въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства; она формируетъ не спеціального изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ умъ; она приучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ всеневной его жизни, она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать посредствомъ строгаго анализа всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались наудачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь человѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, — тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства; — тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины; — тѣхъ людей, которые дышатъ одной жизнью съ природой и человѣчествомъ».

Нечего и говорить, что этотъ дифирамбъ наукъ вырвался изъ-подъ пера Д. И. Писарева, самаго чуткаго и талантливаго выразителя настроенія своей эпохи. Какую же науку имѣетъ онъ въ виду? Вотъ его подлинныя слова: «Скромное (т. е. истинное) изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ манеромъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая не подольщалась къ естествознанію и не отчаявалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства?» (Соч. т. III-й, стр. 272—273.)

Очевидно, что при такомъ настроеніи книга Бокля, гдѣ исторія не только прислонила къ естествознанію, а прямо оперлась на него, пришлась какъ-разъ ко двору въ ту, такую близкую и вмѣстѣ съ тѣмъ такую далекую эпоху. На самомъ дѣлѣ, Уоллесь свидѣтельствуетъ, что: «въ Россіи Бокль пользуется еще большей славой, чѣмъ у себя на родинѣ. Многіе считаютъ его величайшимъ геніемъ эпохи. Мнѣ ни разу не приходилось имѣть серьезнаго разговора съ интеллигентными людьми, въ которомъ не упоминалась бы книга

Бокля и не дѣлались бы ссылки на него, какъ на безусловный авторитетъ».

Великая психологическая истина выступаетъ передъ нами: духъ времени подчиняетъ и даже порабощаетъ себѣ умы самаго различнаго склада и самыхъ различныхъ стремленій. Вѣра въ точную науку и во всемогущество отношеній и обстоятельствъ, борьба съ теоріей свободной воли и признаніе законосообразности за нравственной и исторической дѣятельностью человѣка — вотъ идеи, которыя одинаково проходятъ красной нитью и черезъ статьи нашихъ журналовъ 60-ыхъ годовъ, и «Исторію Цивилизаціи» Бокля.

Что-же далъ человѣчеству этотъ періодъ торжествующаго естествознанія и именно въ области философіи исторіи? Нижеслѣдующія страницы послужатъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

I.

Дѣтство, отрочество и юность Бокля.

Жизнь Бокля лишена всякаго внѣшняго, показного драматизма. Въ ней нѣтъ ни неожиданныхъ происшествій, ни борьбы съ обстоятельствами, ни серьезныхъ неудачъ. Вся она можетъ быть вытянута въ одну линію, и прослѣдить ее отъ начала до конца нетрудно. *Одна* страсть, одна обстановка, одно настроеніе, одна книга — таково резюме жизни и дѣятельности великаго англійскаго мыслителя, чье имя было когда-то (лѣтъ 25—30 тому назадъ) такимъ роднымъ и близкимъ всякому русскому образованному человѣку.

Генри Томасъ Бокль родился 22-го ноября 1821 года въ мѣстечкѣ Ли графства Кентъ. Его отецъ, Томасъ Генри Бокль, былъ довольно состоятельнымъ торговцемъ лондонскаго Сити, хотя съ англійской точки зрѣнія его состояніе, не превышавшее полуимилліона рублей, представлялось въ сущности очень скромнымъ. Мать Бокля, мистриссъ Дженъ, вышла замужъ въ очень молодыхъ лѣтахъ и, кромѣ сына, будущаго автора «Исторіи Цивилизаціи», произвела на свѣтъ еще двухъ дочерей.

Единственный сынъ и вѣроятный преемникъ отцовскаго дѣла—маленькій Бокль пользовался въ домѣ полной и завидной свободой. Всюду, начиная съ чердака и кончая кухней, онъ былъ признаннымъ господиномъ и хозяиномъ, и только на комнаты отца и матери не простиралась его власть: туда онъ не смѣлъ войти безъ спроса, а если и входилъ, то не имѣлъ права предаваться своему излюбленному занятію—переворачивать все верхъ дномъ. Несмотря на слабый и даже хрупкій организмъ, онъ отличался въ дѣтствѣ большою шаловливостью, но и въ шаловливости проявлялась уже своеобразная и наивная разсудочность его натуры. Обыкновенно, просидѣвши два-три часа за разсматриваніемъ картинокъ, а впослѣдствіи за чтеніемъ своихъ излюбленныхъ арабскихъ сказокъ, маленький Бокль вставалъ съ мѣста, потягивался и говорилъ: «теперь можно и пошалить». Немедленно начиналось вавилонское столпотвореніе. Мебель сдвигалась въ кучу или переворачивалась ножками кверху, сестры въ ужасѣ убѣгали къ себѣ въ спальню, а юный буянъ, нарядившись въ какойнибудь фантастическій костюмъ изъ шали или скатерти, отправлялся на кухню и здѣсь, полный отваги, вступалъ въ бой съ дочерью кухарки или же, въ случаѣ особенно благодушнаго настроенія, рассказывалъ ей только-что прочитанную сказку, фигурируя, разумѣется, въ роли героя. Когда его останавливали, онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «я знаю, что это не хорошо, но маленькому мальчику все можно». Нашалившись, онъ шелъ къ матери и, усѣвшись на скамеечкѣ у ея ногъ, просилъ почитать ему изъ священнаго писанія,—просьба, которая всегда исполнялась очень охотно, такъ какъ мать его была женщиной въ высшей степени религіозной. Боклю не было еще и десяти лѣтъ, когда его отдали въ школу,—одну изъ тѣхъ безчисленныхъ частныхъ школъ, которыя до послѣдняго времени почти исключительно вѣдали образованіе англійскаго юношества. Но подвергать своего сына всей строгости школьной ферулы отецъ не хотѣлъ и поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы маленький Бокль учился только тому, чему самъ пожелаетъ, а главное—чтобы его никогда не сѣкли и не били. Какъ ни исключительны были такія условія, особенно послѣднее, такъ какъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія воспитаніе безъ розогъ представлялось англійскимъ педагогамъ чѣмъ-то вродѣ кормленія воздухомъ,—директоръ школы согласился, и Бокль

сталъ ходить на уроки. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, что маленькому мальчику «все можно», онъ шалилъ и дрался съ товарищами и занимался только тогда, когда на него находило настроеніе. Однако это не помѣшало ему учиться лучше другихъ. Уже въ эти годы проявились его исключительная феноменальная память и быстрая сообразительность. Стоило ему два-три раза услышать латинскіе или французскіе стихи, какъ онъ уже зналъ ихъ наизусть, о терминахъ-же географіи или исторіи нечего и говорить, онъ схватывалъ ихъ на лету и не забывалъ уже никогда. Особенно заинтересовался онъ математикой, не тѣмъ однако ея отдѣломъ, который преподавали ему, какъ маленькому, а курсомъ старшаго класса—именно геометрией. Видя постоянно на доскѣ чертежи и фигуры, онъ сталъ вглядываться въ нихъ, соображать и однажды просто поразилъ учителя, задавши ему вопросъ по поводу одной сложной геометрической теоремы. Когда убѣдились, что это не случайность, Боклю позволили заниматься математикой со старшими товарищами, что и было для него немалымъ и въ сущности единственнымъ удовольствіемъ въ дни школьной жизни.

Въ школѣ онъ оставался очень недолго. Она тяготила его, отнимала цѣлые часы ежедневно, и онъ сталъ думать, какъ-бы поскорѣе отдѣлаться отъ нея совсѣмъ. Случай не заставилъ себя ждать. Однажды на публичномъ испытаніи Бокль получилъ первую награду по математикѣ и явился домой въ лавровомъ вѣнкѣ, каковымъ награждались въ тѣ времена «преуспѣвающіе». Увидя сына въ нарядѣ триумфатора, отецъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? и обѣщалъ исполнить любую его просьбу. Бокль отвѣчалъ, что онъ хочетъ только одного—не ходить болѣе въ школу. Отецъ позволилъ, и мальчикъ запрыгалъ отъ радости.

Въ это время ему было всего тринадцать лѣтъ. Свѣдѣнія, вынесенныя имъ изъ школы, годились только для того, чтобы поразжать ими прислугу, передъ которой Бокль очень любилъ являться во всемъ блескѣ своей образованности. Для бѣльшаго эффекта онъ, забравшись въ кухню, становился обыкновенно на столъ и съ паѳосомъ читалъ наизусть отрывки изъ Виргилія или Овидія, немедленно же переводя ихъ, фразу за фразой, на французскій языкъ. Но до систематическихъ свѣдѣній мальчику не было рѣшительно никакого дѣла. Онъ весь отдался тому занятію, кото-

рое въ послѣдствіи стало главнымъ и первенствующимъ въ его жизни, именно чтенію. «Тысяча и одна ночь», «Донъ Кихотъ», «Робинзонъ Крузо», а скоро и Шекспиръ стали его излюбленными книгами, за которыми онъ просиживалъ дни и ночи. «Для юноши отъ 15 до 18 или 20 лѣтъ, — говорилъ онъ въ послѣдствіи, — нельзя найти лучшаго чтенія, какъ драмы Шекспира, и не тѣ сокращенныя обезображенныя драмы, которыя издаются *ad usum scholae* (для школьнаго употребленія), а такія, какъ онѣ вышли изъ-подъ пера великаго поэта. Нечего бояться, что Шекспиръ труденъ для пониманія юношества. Онъ слишкомъ великъ, чтобы быть труднымъ, слишкомъ человекъ, чтобы быть непонятнымъ».

Живя въ полной независимости и свободѣ, Бокль чувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Новая попытка, сдѣланная его отцомъ, подвести образованіе сына подъ систему не удалась. Отданный на попеченіе «тьютора», какого-то духовнаго лица, Бокль отъ непривычной обстановки серьезно захворалъ, и его пришлось взять обратно домой, гдѣ онъ, окруженный своими книгами и всѣмъ, что любилъ, поправился очень скоро. На всю послѣдующую жизнь сохранилъ онъ, очевидно подъ вліяніемъ личнаго своего опыта, убѣжденіе, что *нельзя* насиловать наклонностей и влеченій ребенка и юноши, что *надо* по возможности предоставлять ихъ самимъ себѣ, а не коверкать по программѣ и не принуждать по системѣ. Всякій, говорилъ онъ, самъ найдетъ себѣ дорогу; не бѣда, если онъ будетъ меньше образованъ, важно, чтобы онъ былъ самостоятеленъ, былъ самимъ собой. Годы спустя Бокль часто вступалъ въ усиленный споръ съ своимъ другомъ, мистеромъ Кэплемъ, изъ за того, что тотъ заставляетъ слишкомъ много работать своихъ учениковъ въ то время, когда имъ надо бѣгать, играть, рѣзвиться.

Вскорѣ, будучи 16 или 17 лѣтнимъ юношей, Бокль пристрастился къ чтенію газетъ. Время тогда было горячее. Въ парламентѣ, на митингахъ, въ прессѣ шли ожесточенные страстные споры о свободной торговлѣ и покровительственныхъ пошлинахъ. Учредить-ли первую, уничтожить ли послѣднія? Классовые интересы, зависть мѣщанъ къ аристократіи, желаніе лордовъ сохранить свои привилегіи — дѣлали изъ этихъ вопросовъ не только злобу дня, но и злобу цѣлой исторической эпохи. На самомъ

дѣлѣ рѣчь шла о политическомъ преобладаніи того или другого сословія. Для англійскихъ лордовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ по преимуществу, покровительственныя пошлины были въ высшей степени выгодны, такъ какъ позволяли имъ не допускать на рынокъ иностранный хлѣбъ, а свой собственный продавать по произвольной, если можно такъ выразиться, «пріятной» цѣнѣ. Но громадныя выгоды, получаемыя ими отъ установленія пріятныхъ цѣнъ, обуславливали и ихъ несокрушимое политическое могущество, — обстоятельство очень непріятное для мѣщанства, прекрасно понимавшаго, что политическое могущество въ высокой степени полезно и для торговыхъ предпріятій. Отсюда споръ, отсюда борьба. Мѣщане, которые со временъ Генриха VIII-го и Елизаветы подкапывались подъ аристократію, а однажды увлеклись даже до того, что (въ 1649 г.) упразднили палату лордовъ, какъ люди практичныя, повели свою атаку на сундуки аристократіи, наполнявшіеся главнымъ образомъ благодаря покровительственнымъ пошлинамъ. Милорды защищались, какъ умѣли, но проницательные люди съ перваго взгляда видѣли, что дѣло ихъ проиграно, что ихъ пораженіе можно только отсрочить, затянуть, но въ сущности оно неизбежно. Вѣдь мѣщане вступили въ битву во всеоружіи не только своихъ милліоновъ, нажитыхъ торговыми предпріятіями, но и науки — такъ называемой классической политической экономіи Смита, Мальтуса, Милля-старшаго, Рикардо, которая требовала свободы соревнованія для всѣхъ и особенно возставала противъ классовыхъ привилегій, вторгающихся въ экономическую жизнь народа. «Долой привилегіи! Долой монополіи!» — этими словами Кобденъ закончилъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей въ защиту свободной торговли. Энергія мѣщанства, вообще въ то время очень значительная, подогрѣвалась еще и слѣдующимъ соображеніемъ: «разъ будутъ уничтожены покровительственныя пошлины, понизится и цѣна на хлѣбъ, а слѣдовательно и заработная плата, — что поведетъ къ отрадному увеличенію барышей отъ заводско-фабричной промышленности». Читатель понимаетъ, сколько пороку скрывается въ этой мысли.

Подъ вліяніемъ своего отца — убѣжденнаго тори, Бокль былъ на сторонѣ аристократіи и противъ свободной торговли. Для насъ впрочемъ интересно не столько мнѣніе 17-ти лѣтняго юноши, сколько тотъ живой интересъ, который онъ проявлялъ къ обще-

ственному вопросу, представлявшемуся его сверстникамъ очень сухой матеріей. Но Бокль увлекался до того, что не спалъ на пролетъ цѣлыя ночи и часто съ пылающей головой садился за столъ и писалъ письма Пилу, отсылать которыя однако не рѣшался по робости. Съ этой поры газета наряду съ книгой стала необходимостью въ его жизни. Вообще-же онъ посвящалъ чтенію все свое время и былъ такъ доволенъ своей судьбой, что не искалъ и не хотѣлъ ничего лучшаго.

Отцу однако не совсѣмъ нравилась жизнь сына, и онъ рѣшился пристроить его къ какому нибудь дѣлу, такъ какъ былъ увѣренъ, что человѣкъ можетъ быть бодръ и счастливъ, лишь имѣя какую нибудь обязанность. Дѣло оказалось подъ рукой: именно конторскія занятія, и Бокль-младшій волей-неволей былъ принужденъ заняться кредитомъ и дебетомъ и подводить итоги въ толстыхъ гроссъ-бухахъ. Міръ цифръ и счетовъ возбуждалъ его искреннее отвращеніе. Заинтересоваться дѣломъ онъ не сумѣлъ и не захотѣлъ и исполнялъ его чисто механически, хотя и аккуратно. «Бѣдный Генри такъ мучился все это время!» — вспоминала впоследствии его мать, но противъ отца и его ясно-выраженной воли идти не рѣшалась.

Впрочемъ справедливо замѣчено, что умный человѣкъ извлекаетъ извѣстную долю пользы даже изъ общенія съ глупыми людьми и изъ занятій неумнымъ дѣломъ. Такъ въ данномъ случаѣ вышло и съ Боклемъ. Какъ ни тяжело было ему ходить каждое утро въ контору и просиживать тамъ цѣлыя часы, щелкая на счетахъ въ атмосферѣ, пропитанной табачнымъ дымомъ и отрывочными дѣловыми разговорами на специальномъ жаргонѣ, — онъ, по его собственнымъ словамъ, «пріучался постепенно къ той безусловной точности и аккуратности», которыя такъ необходимы какъ въ большемъ, такъ и въ маленькомъ дѣлѣ. Та же контора сближала его съ дѣйствительностью, — самой грубой и узкой, показывая ему такія стороны жизни, какія онъ никогда-бы не узналъ, сидя въ своей библіотекѣ. «Практичность и близкое знакомство съ окружающимъ міромъ, — говоритъ онъ самъ, — не менѣе полезны для генія, какъ и для обыкновеннаго смертнаго». Онъ хвалилъ Милля за то, что тотъ никогда не предавался утопіямъ и иллюзіямъ, и трезвость его мысли приписывалъ отчасти долгимъ занятіямъ на службѣ остъ-индской компаніи. Одинаково не

могъ онъ понять Огюста Конта, который «довелъ свою непредусмотрительность» до того, что на вершинѣ европейской славы принужденъ былъ жить исключительно на подачки своихъ богатыхъ почитателей, англичанъ, и то и дѣло обращался къ Миллю съ просьбами о деньгахъ. Расчетливый и сдержанный отъ природы, Бокль укрѣпилъ въ себѣ эти качества конторскими занятіями...

Но все-же онъ бросилъ «дѣло» при первой возможности, чтобы отдаться и уже навсегда тому, что въ глазахъ людей, плохо знавшихъ его, было бездѣльемъ обезпеченнаго и независимаго человѣка. Въ январѣ 1840-го года умеръ его отецъ. Послѣдними его словами, обращенными къ сыну, были: «люби свою мать». Въ этихъ словахъ умирающаго старика выразилась вся его горячая привязанность къ женѣ и искреннее забвеніе страданій долгой совмѣстной жизни...

На самомъ дѣлѣ въ семьѣ Бокля-старшаго втеченіе цѣлыхъ лѣтъ разыгрывалась драма, о которой впрочемъ до насъ донеслись лишь смутныя, неполныя свѣдѣнія. Эта драма — чисто англійская, и едва-ли можно найти много подобныхъ ей примѣровъ изъ жизни континента. Отецъ Бокля былъ самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ приверженцемъ англиканской государственной церкви, «верховноцерковникомъ», мать — не менѣе искренней и убѣжденной кальвинисткой. Веселая и добродушная, она однако держалась самой мрачной религіи изъ существующихъ на землѣ. Несмотря на счастливую обстановку, любовь къ дѣтямъ, привязанность мужа, она то и дѣло ощущала въ душѣ тотъ таинственный трепетъ и ужасъ, которые суровый Кальвинъ умѣлъ вселить на цѣлые вѣка въ суевѣрныя души своихъ послѣдователей. Фанатикъ, радостно и самоувѣренно фигурировавшій въ роли палача одного изъ благороднѣйшихъ представителей свободной человѣческой мысли, — Кальвинъ не могъ себѣ представить и самое божество иначе, какъ въ видѣ грознаго карающаго судьи и безжалостнаго инквизитора. Онъ мыслилъ его постоянно гнѣвнымъ, наслаждающимся самоуничтоженіемъ твореній своихъ, — существомъ, для котораго ихъ жертвы и аскетизмъ составляютъ усладу... Глубоко привитой воспитаніемъ, кальвинизмъ терзалъ робкую душу матери Бокля, и мысль о преступности ея счастья, о грѣховности земныхъ привязанностей не давала ей покоя. Мужъ

въ ея глазахъ, несмотря на все уваженіе, которое она питала къ нему, былъ все-же еретикомъ, — однимъ изъ тѣхъ, кому Кальвинъ предсказалъ вѣчную гибель, вѣчныя жестокия муки въ загробной жизни. И тоскующая, испуганная до физическаго трепета своими мыслями, мать Бокля уходила въ себя, искала одиночества и напрасно молилась она о мирѣ души своей. Онъ пришелъ лишь съ годами и слишкомъ поздно, чтобы успокоить и осчастливить старика-Бокля. Тотъ, видя, какъ бесполезны его привязанность, его усилія объединить духовную жизнь семьи, тосковалъ, доходя до мрачной сосредоточенности. Онъ дошелъ до того, что, гуляя по улицамъ, не узнавалъ своихъ знакомыхъ и оставилъ всѣ дѣла свои на произволъ судьбы. Не задолго до смерти онъ сломалъ себѣ руку. Почему-то это сильно поразило его, и онъ не вѣрилъ въ свое выздоровленіе. «Я умру», твердилъ онъ постоянно. Предчувствіе оправдалось.

* * *

Послѣ смерти отца Бокль остался 19-ти лѣтнимъ богатымъ рантье съ ежегоднымъ доходомъ въ 12—15 тысячъ рублей. Онъ пользовался съ этой поры полной, никѣмъ не стѣсняемой, свободой, а характеръ его былъ настолько счастливъ, что ему не приходилось даже бороться съ собой. Тѣ наслажденія, которые еще Аристотель призналъ самыми опасными для человека, именно наслажденія чувственности въ узкомъ смыслѣ этого слова, не прельщали его. Онъ любилъ лишь свои занятія и затѣмъ, какъ истый англичанинъ, — комфортъ, въ смыслѣ полного удобства и полного спокойствія... Въ вопросахъ комфорта онъ, какъ это мы скоро увидимъ, проявлялъ даже нѣкоторую мелочность и, какъ Спенсеръ, по поводу несовершенства каминныхъ щипцовъ, любилъ распространяться о несовершенствѣ нашей цивилизаціи вообще...

Разставшись съ своей конторой, чтобы больше уже не заглядывать туда всю остальную жизнь, онъ отправился путешествовать по Европѣ. Вмѣстѣ съ матерью и сестрами онъ объѣхалъ Голландію, южную Германію, провелъ лѣто въ модномъ курортѣ — Баденъ-Баденѣ, оттуда перебрался черезъ Альпы въ Италію, довольно долго прожилъ въ Римѣ и Флоренціи и, возвращаясь домой, провелъ около двухъ мѣсяцевъ во Франціи, главнымъ обра-

зомъ въ Парижѣ. Путешествіе продолжалось около полутора лѣтъ и лично для Бокля было какъ нельзя болѣе полезно. Въ какой-бы странѣ онъ ни останавливался, онъ немедленно-же приглашалъ къ себѣ учителей и занимался съ ними мѣстнымъ языкомъ. Филологическія способности его были грандіозны, и не удивительно, что къ 25-ти годамъ онъ уже зналъ 19 языковъ, читая на каждомъ изъ нихъ совершенно свободно и будучи въ состояніи даже говорить на нихъ, хотя и съ акцентомъ. Онъ изучилъ языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій, португальскій, голландскій, датскій, валлонскій, фламандскій, шведскій, исландскій, фризскій, маорійскій, русскій, англо-саксонскій, еврейскій, греческій и латинскій. Больше всего хлопотъ и трудовъ доставилъ ему русскій языкъ, съ произношеніемъ котораго онъ такъ и не могъ справиться, но все-же онъ могъ читать и наши книги, мечтая впоследствии уделить въ своемъ сочиненіи главу «Исторія цивилизаціи въ Россіи» для выясненія «нѣкоторыхъ специальныхъ законовъ общественнаго развитія» — къ сожалѣнію неизвѣстно, какихъ именно.

Изученіе языковъ было, разумѣется, не цѣлью, а лишь средствомъ для другого, важнѣйшаго дѣла. Десятки языковъ и тысячи прочитанныхъ книгъ были лишь доспѣхами, въ которые слѣдовало облачиться для завоеванія себѣ славы и достиженія себѣ развѣ замѣченной цѣли. Этой цѣлью была «Исторія Цивилизаціи», — не цивилизаціи какого-нибудь отдѣльнаго народа или части свѣта, на сего міра, всего человѣчества. Въ предполагавшемся грандіозномъ сочиненіи должны были найти себѣ мѣсто всѣ явленія умственной и общественной жизни людей, начиная съ перваго лепета ихъ мысли, съ первыхъ попытокъ проникнуть въ тайны природы и кончая торжествомъ положительной философіи и естествознанія. Боклю было 18—19 лѣтъ, когда этотъ планъ впервые и не въ совсѣмъ ясной формѣ возникъ въ его головѣ. «Между 18 и 19-ю годами жизни — говоритъ онъ самъ о себѣ — я задумалъ планъ своего сочиненія — разумѣется смутно — и привялся за его исполненіе».

Что дало толчокъ мысли Боклю, что вывело ее на опредѣленный путь — мы не знаемъ. Какимъ путемъ изъ безпорядочнаго чтенія могла возникнуть извѣстная программа, — это тайна, неразгаданная еще до сей поры. Говорятъ, будто мысль о законѣ тяготѣнія впервые мелькнула въ головѣ Ньютона въ ту минуту, когда

онъ увидѣлъ передъ собой падающее яблоко. Самъ Руссо рассказываетъ о себѣ, что первый и самый знаменитый его памфлетъ «Discours sur les arts et sur les sciences» открылся ему во всѣхъ подробностяхъ сразу, и притомъ совершенно случайно, въ то время, когда онъ возвращался пѣшкомъ въ Парижъ, послѣ свиданія съ Дидро. «Какъ пораженный молніей — читаемъ мы въ «Confessions», — упалъ я подъ дерево. Мысли закрутились въ моей головѣ, мое лицо было мокро отъ слезъ. Когда я поднялся, я зналъ, что я напишу отъ перваго до послѣдняго слова». Въ головѣ Спенсера мысль о его грандіозной синтетической философіи, которая по первоначальной программѣ должна была заключать въ себѣ и астрономію, и физику, и химію, — возникла, когда ему не было еще и 16-ти лѣтъ...

Очень можетъ быть, что приведенные факты не вѣрны или, лучше сказать, не совсѣмъ вѣрны. «Яблоко Ньютона» считается легендарнымъ, къ разсказу Руссо многіе относятся довольно недовѣрчиво, лично самъ Спенсеръ хранить молчаніе о зарожденіи плана своихъ работъ. Но мнѣ думается, что чрезмѣрная недовѣрчивость и осторожность въ данномъ случаѣ излишни. Какъ ни мало изучены законы творчества, отрицать возможность мгновеннаго возникновенія богатыхъ и грандіозныхъ идей — невозможно. Вдохновеніе — это такая сила, которая въ одинъ мигъ совершаетъ работу годовъ путемъ наитія, угадыванія, проникновенія. Достаточно порою самаго незначительнаго толчка, чтобы въ головѣ художника или мыслителя вдругъ возникли образъ или идея, — Богъ вѣсть, путемъ какого таинственнаго процесса мозговой работы. Дарвинъ, читая Мальтуса, былъ пораженъ его идеей борьбы за существованіе и распространилъ ее на весь органическій міръ, хотя Мальтусъ говоритъ лишь о человѣческомъ обществѣ. Возможность расширить законъ, подчинить ему всю жизнь, а не уголокъ ея, мелькнула въ мысляхъ Дарвина. Программа работы была найдена сразу, съ быстротой молніи; потребовалась цѣлая жизнь, чтобы осуществить ее. Знаменитое восклицаніе Архимеда, «эврика», когда ему внезапно, безъ всякихъ предшествовавшихъ опытовъ, открылся законъ удѣльнаго вѣса, просто потому, что полная ванна, въ которую онъ садился, расплескалась при этомъ, доносится къ намъ изъ cadaго столѣтія и изъ жизни почти cadaго значительнаго дѣятеля науки. Исторіей мгновенныхъ и важныхъ открытій, вродѣ хотя-бы гальванизма или удѣльнаго вѣса, можно было-бы наполнить цѣлыя

страницы, будь онъ въ моемъ распоряженіи, и мнѣ думается, что это не было-бы бесполезной работой. Вѣдь въ сущности говоря, это непостижимая мгновенность возникновенія новыхъ и неожиданныхъ идей, которыя, появляясь, какъ-бы совершенно нарушаютъ стройность и закономерность психической жизни, и привела современную психологію къ признанію «безсознательной дѣятельности сознанія»—«*conscience inconsciente*», какъ несовсѣмъ удачно выражаются французы. Бинэ напр. безъ всякихъ колебаній признаетъ, что «безсознательное сознаніе» работаетъ неизмѣримо энергичнѣе «сознанія, сознающаго себя», и что въ немъ корни художественныхъ образовъ и научныхъ гипотезъ. Здѣсь-то, въ этой темной таинственной области человѣческаго разума, идеи и образы долгое время находятся въ скрытомъ состояніи, пока яркая молнія вдохновенія не разрѣжетъ мрака и не освѣтитъ своимъ блескомъ подземнаго царства «безсознательнаго сознанія». Изъ миллиона получаемыхъ нами ежедневно слуховыхъ, зрительныхъ, осязательныхъ, идейныхъ и пр. ощущеній мы обращаемъ вниманіе лишь на тысячную долю, а запоминаемъ вѣроятно одну десяти-тысячную,—быть можетъ меньше. Но остальные не пропадаютъ. Они доходятъ до нашего мозга и складываются въ его обширныя, вѣроятно безконечно вмѣстительныя кладовыя, чтобы при случаѣ появиться на свѣтъ Божій. Разъ вступивши въ область предположений, мы не можемъ остановиться даже на этомъ и должны допустить, что содержимое кладовыхъ является пріобрѣтеніемъ не одного человѣка, не отдѣльнаго разума, а цѣлыхъ поколѣній. Нуженъ лишь геній, талантъ, вдохновеніе, т. е. посохъ Моисеевъ, высѣкающій источникъ живой воды изъ скалъ, чтобы разумъ человѣческій раскрылъ свое богатое содержаніе.

Характерно, что Бокль ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ, какъ мысль объ «Исторіи Цивилизаціи» возникла въ его головѣ. Человѣка, болѣе сдержаннаго относительно интимной своей жизни трудно себѣ и представить. Однажды онъ даже уничтожилъ свой дневникъ за цѣлыя 15 лѣтъ, потому что, говоритъ онъ: «тамъ находилось многое интересное лишь для меня самого». Пожалуй это англійская черта, которая обуславливаетъ такое громадное различіе между національными характерами англичанъ и ихъ сосѣдей-французовъ по преимуществу. Французъ твердо убѣжденъ, что для человѣчества нѣтъ болѣе интереснаго предмета, какъ онъ самъ,

его радости и горе, подвиги, имъ совершенные, и неудачи, имъ несенныя; онъ краснорѣчивъ и безконечно словоохотливъ, развѣчь касается его собственной особы, очевидно и несомнѣнно стоящей въ фокусѣ всеобщаго вниманія. Онъ субъективенъ до послѣдней степени; и если этотъ ребячій эгоизмъ порождаетъ много смѣшного и комичнаго, онъ же зато вызываетъ къ жизни такія дерзкія проникновенія въ душу человѣческую, какъ мысли Паскаля или Монтэня, какъ «Исповѣдь Руссо» ¹⁾. Англичане гораздо сдержаннѣе, безусловнаго субъективизма ихъ лирика достигаетъ только у Шелли и въ первыхъ произведеніяхъ Байрона; вообще-же они заслоняютъ свою личность внѣшнимъ міромъ, свои чувства—наблюденіями надъ окружающимъ. Неудивительно поэтому, что дошедшій до насъ дневникъ Бокля, какъ и Дарвина, заключаетъ въ себѣ лишь сухой и сжатый отчетъ о прочитанныхъ книгахъ, о проведенномъ времени, о программѣ занятій, и въ этомъ проявляется не только научный складъ ума, но и племенная особенность, давно подмѣченная такими проницательными наблюдателями англійской жизни, какъ Вольтеръ, г-жа Сталь, Тэнъ, Орель, Луи-Бланъ, Герценъ и т. д.

Какимъ бы однако образомъ ни появилась у Бокля мысль объ «Исторіи Цивилизаціи», она, развѣ возникнувъ, сдѣлалась господствующей въ его жизни и совершенно подчинила себѣ его волю. Она какъ бы очаровала его своею грандіозностью, величіемъ своихъ размѣровъ и глубиной своего захвата. Съ этой минуты и вплоть до могилы Бокль является передъ нами рыцаремъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и его идея—дамой. Вдохновляясь ея красотой, ея недоступностью, онъ готовъ на всѣ подвиги, на всѣ жертвы. Онъ не боится трудовъ, хотя бы они продолжались десятки лѣтъ; онъ не требуетъ нетерпѣливо скорой награды; онъ знаетъ, что ему предстоятъ серьезныя битвы и схватки, что прежде, чѣмъ достигнуть цѣли, придется пройти черезъ много дремучихъ лѣсовъ, черезъ которые его предшественники не проложили даже тропинки. Но онъ не боится ничего. Двѣ вещи вдохновляли его—молодость

¹⁾ Любопытно между прочимъ, что одна изъ гениальныхъ комедій французской сцены «Свадьба Фигаро» появилось, благодаря личному раздраженію и обидѣ ея автора Бомарше.

и честолюбіе. Молодость скрывала отъ него грустную правду о его собственномъ здоровьѣ и твердила ему, что силъ хватить. Онъ не зналъ, да и не могъ еще знать тогда, какими гомеопатическими дозами надо было бы ему расходовать себя, чтобы не надорваться и не пасть среди дороги, не зналъ, что среди счастливой обстановки, благодаря ежедневной десяти-часовой работѣ, завязывается уже роковой узелъ переутомленія, развязать который сѣмѣла лишь холодная рука смерти. Не останавливаясь на мрачныхъ предзнаменованіяхъ, вродѣ лихорадокъ, ощущенія слабости и т. д., — онъ бодро смотрѣлъ впередъ, гдѣ передъ нимъ сіялъ яркій образъ красавицы-дамы въ своемъ чарующемъ великолѣпіи. Не меньше молодости вдохновляло его честолюбіе. По его собственному признанію, оно было главной и въ сущности единственной его страстью. Онъ сознавалъ въ себѣ недюжинныя силы и дарованія и рѣшился посвятить ихъ такой работѣ, которая поставила бы его въ первые ряды дѣятелей мысли. Юношей онъ далъ себѣ слово не разбрасываться по сторонамъ, не печатать ни одной строчки, пока не будетъ законченъ главный трудъ. Маленькая, минутная слава не соблазняла его: ему нужна была та всемірная громкая слава, которая даже въ глазахъ пессимистовъ является суррогатомъ безсмертія...

Заграничная поѣздка, изученіе языковъ, постоянное чтеніе, которому онъ посвящалъ большую часть времени, — принесли ему большую пользу. Преслѣдуя единственную свою цѣль, онъ не отступалъ ни на шагъ въ сторону. Въ сущности это давалось ему безъ всякаго труда. Онъ не любилъ театра, мало интересовался живописью, совершенно не понималъ музыки и даже относился къ ней съ полнымъ пренебреженіемъ. Изысканія искусства вообще не вдохновляли его; онъ откликался лишь на одинъ призывъ — мышленія. Совершенно лишенный музыкальнаго слуха, онъ во всю жизнь не заучилъ ни одного мотива и даже симфонія Бетховена представлялась ему ничѣмъ инымъ, какъ наборомъ безсвязныхъ звуковъ. Только однажды ему показалось, что онъ узналъ мотивъ, и сказалъ: «кажется, играютъ *«Rule Britannia»*», онъ ошибся и здѣсь: играли *«God save the Queen»*... Живопись и скульптура были ближе ему, но все же тратить цѣлые часы на посѣщеніе галлерей онъ считалъ неразсчетливымъ! Онъ любилъ читать драмы гораздо больше, чѣмъ видѣть ихъ на сценѣ. Благодаря такой односторонности, кабинетъ и библіотека были мѣстами, гдѣ онъ чувствовалъ себя особенно сча-

стливымъ и довольнымъ. Шахматы и прогулка—вотъ единственные развлечения, которыя онъ позволялъ себѣ.

* * *

«Изъ своего путешествія — говорить Гезъ — Бокль вернулся значительно измѣнившимся. Изъ тори онъ превратился въ радикала, изъ правовѣрнаго англичана и церковника — въ свободнаго мыслителя. Нѣмецкая философія, картины австрійскаго деспотизма, отсутствіе ферулы и наставленій отца соединились, чтобы вызвать въ Боклѣ эту перемѣну».

Поселившись снова въ Лондонѣ, Бокль не подумалъ даже ни о профессиональномъ занятіи, ни объ университетѣ. Первое претило ему, второй вызывалъ искреннее презрѣніе. «Какъ бы долженъ былъ напасть Локкъ на наши знаменитые университеты и общественныя школы, — восклицаетъ Бокль, — еслибы увидѣлъ ихъ! Половина того, что тамъ преподается, недоступна разуму человѣческому, а другая половина бесполезна для него. Оттого мы нерѣдко видимъ такъ называемыхъ высокообразованныхъ людей, исполненныхъ предразсудковъ: образованіе не только не помогло ихъ развитію, а затормозило его».

Не справляясь о мнѣніи окружающихъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что положеніе молодого, ничѣмъ повидимому незанятаго человѣка, тѣмъ болѣе сына купца, представлялось довольно страннымъ съ точки зрѣнія общепринятыхъ правилъ поведения, онъ рѣшился заниматься самъ. Къ полной своей самостоятельности онъ относился не только бережно, но и ревниво. Любопытно, что, будучи знакомъ даже съ Галламомъ, онъ ни разу не спросилъ у него совѣта, хотя знаменитый историкъ и предлагалъ ему свои услуги въ этомъ отношеніи. Его гордость, честолюбіе и самоувѣренность были безграничны, а результаты его работы доказали, что онъ имѣлъ право быть такимъ. Нѣсколько отрывковъ изъ его дневника покажутъ намъ, какъ онъ проводилъ свое время.

Отъ 15-го окт. 1842 г. мы читаемъ: «Переѣхавъ сегодня на новую квартиру — Norfolk Street № 1 — и устроившись на ней, я задумалъ завести дневникъ, главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть возможность слѣдить за собственнымъ чтеніемъ и подводить итоги сдѣланному. До сихъ поръ я къ сожалѣнію читалъ хотя и много, но безъ системы и строгой программы. Поэтому-то я и рѣшился, начиная

съ сегодня, посвятить всѣ свои силы изученію средневѣковой исторіи и литературы. Къ выбору предмета меня побуждаетъ не только его интересъ—хотя эта причина не маловажная,—но и то обстоятельство, что средніе вѣка до сихъ поръ изучены еще очень мало и рѣдко привлекали къ себѣ вниманіе истинныхъ людей науки. А честолюбіе подсказываетъ мнѣ, что долгій рядъ упорныхъ усилій въ соединеніи съ дарованіями—во всякомъ случаѣ большими среднихъ—увѣнчается въ концѣ-концовъ громкимъ успѣхомъ... Возвращаясь однако къ своему дневнику. Я всталъ сегодня въ половинѣ восьмого утра и до девяти часовъ былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ книгъ, одежды и т. д. Въ 9-ть я позавтракалъ, а затѣмъ началъ писать свой дневникъ, что вмѣстѣ съ письмомъ къ миссъ Ш... заняло у меня время до половины одиннадцатаго. Отъ половины одиннадцатаго до 11^{1/2} я читалъ «Исторію среднихъ вѣковъ», напечатанную въ «Энциклопедіи» Ларднера, справляясь все время съ сочиненіями Галлама и краткимъ руководствомъ Гавкинса для провѣрки хронологическихъ данныхъ. Я дошелъ такимъ образомъ отъ вторженія Клодвига до убійства Сигеберта Фредегундой въ 575 году. При чтеніи я, какъ обыкновенно, дѣлалъ многочисленныя выписки»...

Отъ 25-го окт. 1842 г. «Общій обзоръ исторіи Франціи занялъ у меня 10 дней, но 1 день я совершенно не былъ въ состояніи читать, такъ какъ былъ слишкомъ густой туманъ, и вообще все это время я чувствовалъ себя не вполне бодрымъ. И такъ, кладу на исторію отдѣльной страны въ средніе вѣка—8 дней. Я намѣренъ прежде всего ознакомиться хотя бы быстро и поверхностно съ средневѣковой исторіей Европы, а затѣмъ перейти къ тщательному изученію подробностей, выбирая для этого лучшія и наиболѣе законченныя произведенія».

Отъ 26-го окт. 1842 г. «Не завтракалъ до 10-ти часовъ. Закончилъ хронологическую таблицу средневѣковой Франціи и перелистывалъ труды по исторіи Германіи и Италіи, соображая, за которую слѣдуетъ приняться сначала. Остановился на Германіи».

Увеличивать число подобныхъ выписокъ бесполезно. Всѣ онѣ говорятъ намъ о томъ же; всѣ рисуютъ ту же картину сосредоточенной кабинетной жизни. Рѣчь почти исключительно идетъ о томъ, что прочитано или что предстоитъ еще прочесть; лишь изрѣдка, какъ бы случайно, вырывается фраза, позволяющая намъ заглянуть въ душу Бокля, и немедленно же прячется за цитатами, хронологическими цифрами, именами. Когда слѣдишь за этимъ дневникомъ, не знаешь, чему удивляться—быстротѣ ли, съ какой Бокль поглощалъ книги, или напряженному вниманію, съ какимъ онъ слѣдилъ за каждой подробностью. Однажды онъ напр. жалуется на Ларднера за то, что тотъ называетъ Фредегунду—Фредегундой и Сигеберта—вторымъ сыномъ Клодвига, тогда какъ у Галлама тотъ названъ «младшимъ», и т. д. Съ терпѣніемъ есте-

ствоиспытателя, не пренебрегающаго ни единой подробностью, Бокль разбирается въ хронологической и генеалогической путаницѣ, ни разу не жалуясь на утомленіе или скуку. Все равно, какъ сильный источникъ свѣта бросаетъ щедро свои лучи на самый ничтожный предметъ и дѣлаетъ его блестящимъ и красивымъ, такъ и грандіозная идея «Исторіи Цивилизаціи» одухотворяла и осмысливала въ глазахъ Бокля всѣ мелкія подробности историческаго изученія. «Если хотите открыть что-нибудь новое и самостоятельное,—сказалъ еще Бэконъ,—изучайте подробности». Бокль отъ начала до конца оставался вѣренъ его завету... Отъ общихъ сочиненій онъ быстро перешелъ къ хроникамъ, актамъ, мемуарамъ, донесеніямъ пословъ и т. д., проявляя все то-же терпѣніе, все ту-же неутомимость.

Чтобы понять объемъ его занятій, надо припомнить его взгляды на исторію и тѣ требованія, которыя онъ предъявлялъ человѣку, посвятившему себя изученію «матери наукъ».

Указавши въ самомъ началѣ своей книги на то, какъ безконечно много собрано историческаго матеріала, какъ велики усилія, потраченныя на изученіе законодательства, политическихъ и военныхъ лѣтописей, науки, литературы, изящныхъ искусствъ, нравовъ, экономическихъ отношеній и пр., и пр., Бокль продолжаетъ:

«Но еслибъ мы стали описывать употребленіе, сдѣланное изъ этихъ матеріаловъ, то намъ пришлось бы изобразить совсѣмъ другую картину. Печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея отдѣльныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣньемъ, но едва ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь. Во всѣхъ другихъ великихъ отрасляхъ изслѣдованія необходимость обобщенія допускается всѣми, и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлью открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого воззрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только разсказывать факты, по временамъ оживляя ихъ такими политическими и нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными. По такой теоріи, любому писателю, который, по лѣности мысли или по врожденной неспособности, не въ силахъ совладать съ высшими отраслями знанія, стоитъ только употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ, и онъ сдѣлается историкомъ, и онъ въ состояніи будетъ написать исторію великаго народа, и сочиненіе его станетъ авторитетомъ по тому предмету, на изложеніе котораго оно будетъ имѣть притязаніе.

Установленіе такого узкаго мѣрила повело къ послѣдствіямъ весьма

вреднымъ для успѣховъ нашего знанія. Благодаря этому обстоятельству, истерики, какъ корпорація, никогда не признавали необходимости такого обширнаго предварительнаго изученія, которое давало бы имъ возможность обхватить свой предметъ во всей цѣлости его естественныхъ отношеній. *Отсюда странное явленіе, что одинъ историкъ—невѣжда въ политической экономіи, другой не имѣетъ понятія о правѣ, третій ничего не знаетъ о дѣлахъ церковныхъ и перемѣнахъ въ убѣжденіяхъ, четвертый пренебрегаетъ философіей статистики, пятый—естественными науками,* между тѣмъ какъ эти предметы имѣютъ самую существенную важность въ томъ отношеніи, что они объемлютъ главные обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на нравъ и характеръ человѣчества и въ которыхъ проявляются этотъ нравъ и этотъ характеръ. Эти важные предметы, будучи разрабатываемы одинъ однимъ, другой другимъ человѣкомъ, скорѣе разъединялись, чѣмъ соединялись; помощь, которую могли бы оказать аналогія и взаимное уясненіе одного предмета другимъ, терялась, и не было видно ни малѣйшаго побужденія сосредоточить всѣ эти предметы въ исторіи, которой, собственно говоря, они составляютъ *необходимые элементы*.

Очевидно, что съ его точки зрѣнія историкъ долженъ былъ быть почти всевѣдущимъ существомъ. Юриспруденція и политическая экономія, фізіологія и физическая географія, химія и математика не могутъ быть чуждыми ему, иначе какъ установить онъ преемственность идей, какъ опредѣлить онъ значеніе того или другого открытія? Еслибы хоръ историковъ, раскрашивающихъ и размалевывающихъ свою науку вотъ уже втеченіе столѣтій, собрался около Бокля и сталъ бы доказывать ему, что его требованія слишкомъ высоки, что не хватитъ ни силъ, ни жизни человѣческой для осуществленія его программы,—онъ безъ сомнѣнія презрительно отвѣтилъ-бы имъ: «вы слабы: зачѣмъ-же вы беретесь не за свое дѣло? Предоставьте его тѣмъ, кто можетъ, ибо неизвѣстно, больше ли вреда или пользы принесли ваши труды человѣчеству» ..

II.

Пятнадцать лѣтъ въ библіотекѣ.

Передъ нами пятнадцатилѣтній періодъ жизни Бокля, за который самые старательные изъ его біографовъ, напр. м-ръ Гезъ, не могутъ отмѣтить ни одного событія, кромѣ развѣ вторична-

го путешествія за границу. ничѣмъ впрочемъ незамѣчательнаго. Эти долгія 15 лѣтъ Бокль просидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ своей библіотеки, обдумывая свой громаднй трудъ съ тѣмъ упорствомъ и тою настойчивостію, которыя характеризуютъ истинныхъ людей науки. Его главнымъ занятіемъ были чтеніе и составленіе конспектовъ прочитаннаго. Цифры въ данномъ случаѣ значатъ кое-что, и мы можемъ сообщить, что за это время Боклемъ прочитано около 20.000 томовъ на всевозможныхъ языкахъ и по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія.

Только въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода мы видимъ нѣсколько слабыхъ лучей романтизма, которымъ однако вскорѣ суждено было потускнѣть и даже потухнуть. Двѣ, три случайныхъ фразы, вырвавшихся какъ-то въ разговорѣ Бокля, позволяютъ намъ предполагать, что онъ любилъ. Но по всей вѣроятности его возлюбленной было не особенно весело въ обществѣ молодого джентльмена, слишкомъ благоразумнаго для своихъ лѣтъ, и она предпочла другого. Съ этимъ другимъ, чье имя исторія намъ не сохранила, Бокль даже дрался на дуэли, благополучно закончившейся впрочемъ ничтожными царапинами. Вторая любовь Бокля къ его двоюродной сестрѣ, несмотря на взаимность, кончилась однако неудачей. Его мать пришла въ ужасъ при мысли о возможности брака между такими близкими родственниками и поторопилась разстроить дѣло въ самомъ началѣ, что ей блестяще удалось. Послѣ этого матримоніальные проекты перестали тревожить Бокля, хотя совершенно онъ никогда отъ нихъ не отказывался. Но онъ рѣшилъ, что женится не раньше, чѣмъ увеличитъ свою ренту до 30 тыс. руб., «такъ какъ, — говорилъ онъ, — я буду слишкомъ любить свою жену и слишкомъ дорожить ея удобствами, чтобы отказывать ей въ чемъ-нибудь»... Романтизмъ, какъ видно изъ этихъ словъ, исчезъ окончательно и безвозвратно.

Ниже читатель встрѣтитъ не одну цитату изъ переписки Бокля съ миссъ Ширефъ—писательницей. Внимательно просматривая переписку нашего философа съ «синимъ чулкомъ» — такъ какъ миссъ Ширефъ была именно таковымъ, — нельзя отказаться отъ мысли, что Бокль и въ данномъ случаѣ питалъ нѣжныя, хотя и не особенно энергичныя чувства. Но Боже, въ какую странную форму строгой учености воплощалась взаимная симпатія! На сто фразъ о Контѣ, Миллѣ, цивилизаціи, нравственности, прогрессѣ

едва-едва приходится одна, и то недоговоренная, фраза, изъ которой можно предположить, что Бокль подумывалъ о возможности для миссъ Ширефъ обратиться въ мистриссъ Бокль, и что миссъ Ширефъ противъ такого превращенія не имѣла ровно ничего. Вообще же не здѣсь, не въ сферѣ любовныхъ волненій надо искать «романтизмъ» Бокля.

Присмотримся теперь поближе къ занятіямъ Бокля, но предварительно одно необходимое замѣчаніе.

Обычное представленіе о дѣятеляхъ науки и особенно о философахъ, какъ о людяхъ разсѣянныхъ, непрактичныхъ, нерасчетливыхъ и нѣсколько даже аскетически настроенныхъ, — словомъ, «не отъ міра сего», — очевидно нѣмецкаго происхожденія и рѣшительно никуда не годится, разъ мы имѣемъ дѣло съ англичаниномъ или французомъ. Любовь къ комфорту, житейское благо-разуміе, дѣловитость характеризуютъ почти всѣхъ безъ исключенія мыслителей-англичанъ. Возьмите знаменитѣйшихъ изъ нихъ, какъ Бэкона, Локка, Гоббеса, Юма, Болингброка, Дарвина, Милля, Спенсера и т. д., не говоря уже о лордѣ Маколеѣ или Гротѣ, и вы увидите передъ собой настоящихъ джентльменовъ, очень обстоятельныхъ, нисколько не чуждающихся жизни и безъ всякихъ признаковъ эксцентричности. Спеціальность кладетъ на нихъ свой отпечатокъ, но не поработщаетъ ихъ. Изъ кабинета, библіотеки или лабораторіи они безъ всякаго смущенія переходятъ въ гостиную или залу парламента, охотно произносятъ публичныя рѣчи и высоко цѣнятъ жизненныя удобства. Ни растрепанныхъ, торчащихъ клочьями волосъ, ни сюртука, щедро усыпаннаго табакомъ, ни рѣзкой нетерпимости, выработавшейся въ одиночествѣ, — нѣтъ и слѣда. Англіійскій геній представляетъ изъ себя счастливое сочетаніе романскаго и германскаго элементовъ. Оно проявляется во всемъ, начиная съ внѣшности и кончая способомъ мысли и способомъ изложенія, и, являясь отпечаткомъ вѣковой исторіи, играетъ громадную роль въ жизни cadaго англичанина.

Нѣмецъ, какъ челоѣкъ науки, не имѣетъ почти ничего общаго съ массой, съ народомъ. У него свои отдѣльные вопросы, свои особенные интересы, симпатіи и ненависти совершенно въ такой же степени, какъ свой кабинетъ и свои привычки. Бокль прекрасно охарактеризовалъ эту особенность германскаго мышленія и германской цивилизаціи.

«Нѣмецкіе философы, — говоритъ онъ, — обладаютъ такою суммою знанія и такою широтою мысли, которыя ставятъ ихъ во главѣ всего цивилизованнаго міра. Напротивъ того, нѣмецкій народъ болѣе суевѣренъ, болѣе подчиненъ предрасудкамъ и, несмотря на заботу правительствъ о воспитаніи его, болѣе невѣжественъ и менѣе способенъ къ самоуправленію, чѣмъ населеніе Франціи и Англіи. Это разграниченіе и даже разъединеніе двухъ классовъ составляетъ естественное послѣдствіе того искусственного возбужденія, которое сто лѣтъ тому назадъ было произведено въ одномъ изъ нихъ и которое такимъ образомъ нарушило нормальныя отношенія общества. Вслѣдствіе этого явленія высшіе умы въ Германіи настолько опередили общее движеніе націй, что между двумя частями ея нѣтъ никакого сочувствія, и въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ, которыя бы могли привести ихъ въ соприкосновеніе. Великіе писатели Германіи обращаются не ко всей странѣ, но другъ къ другу. Они увѣрены въ томъ, что будутъ имѣть избранную, ученую аудиторію, и потому употребляютъ языкъ, который по справедливости можно назвать ученымъ: они обращаютъ свой природный языкъ въ особый діалектъ, дѣйствительно краснорѣчивый и сильный, но такой трудный, такой гибкій и до такой степени наполненный сложными инверсіями, что низшимъ классамъ ихъ же націй онъ совершенно непонятенъ.

Отъ этого произошли нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей нѣмецкой литературы. Не имѣя обыкновенныхъ читателей, она ограждена отъ вліянія обыкновенныхъ предрасудковъ; вотъ почему она обнаружила смѣлость въ изысканіяхъ, неустрашимость въ преслѣдованіи истины и пренебреженіе къ мнѣніямъ старины, — качества, дающія ей права на величайшую похвалу. Но съ другой стороны отъ этого же обстоятельства произошло то отсутствіе практическаго знанія и то равнодушіе къ матеріальнымъ, житейскимъ интересамъ, за которыя справедливо порицаютъ нѣмецкую литературу. Это естественнымъ образомъ еще болѣе расширило первоначальный разрывъ и увеличило разстояніе, отдѣляющее великихъ германскихъ мыслителей отъ того тупого, погруженнаго въ матеріальныя расчеты класса, который хотя и стоитъ непосредственно подъ мыслителями, но не подвергается вліянію ихъ знаній и не согревается пламенемъ ихъ генія.» „Ист. Цив. въ Англіи“, т. I, гл. V, стр. 98.

Рѣзкой противоположностью нѣмецкой учености и нѣмецкому генію представляется геній и ученость Франціи. Онъ красивъ, изященъ и популяренъ. Извѣстное изреченіе, что великія мысли за рождаются чаще не въ головѣ, а въ сердцѣ, какъ нельзя лучше примѣнимо къ нему. Оттого-то лучшіе французскіе философы, какъ Монтэнь, Паскаль, Руссо и даже Контъ доводятъ личный элементъ своего мышленія до лиризма. Это дѣлаетъ ихъ общедоступными. Говоря всѣмъ и каждому, французскіе писатели довели

ясность своего изложенія до прозрачности и обработали свой языкъ до такой степени, что нѣкоторые, напр. Тэнъ, по справедливости называютъ его лучшимъ произведеніемъ французскаго искусства. Сравните напр. Канта и Конта. Раскройте любую страницу «Критики» перваго и «Философіи» втораго. У Канта, безъ долгой предварительной подготовки, безъ тщательнаго и тяжелаго изученія терминологіи, вы не поймете ничего, какъ бы хорошо вы ни знали языкъ, у Конта — наоборотъ. Разъ онъ не говоритъ о спеціальныхъ математическихъ или химическихъ явленіяхъ — онъ доступенъ каждому. Чтеніе его «Философіи» производитъ на васъ впечатлѣніе блестящей популяризаціи.

Все равно, какъ исторія Англіи представляетъ изъ себя взаимодействие германской и романской культуры, такъ и англійскій геній соединяетъ въ себѣ особенности нѣмецкаго и французскаго. Онъ стремится къ той же основательности, научности и объективности, какъ нѣмецкій, и къ той же общедоступности, какъ французскій. *«Въ Англіи, — говоритъ Бокль, — накопленіе и распространеніе знаній идутъ рука объ руку»*, а онъ самъ, какъ истинный англичанинъ, стремился сразу къ обѣимъ цѣлямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣлые годы онъ *учился писать*. Книги давали ему факты, но предстояла задача изложить ихъ такъ, чтобы «мысль, скрывающаяся за ними, была понятна каждому мыслящему и мало-мальски образованному человѣку». Каждый день Бокль прочитывалъ лучшіе отрывки изъ рѣчей Борка, Шеридана, Фокса, многіе заучивалъ наизусть, другіе излагалъ своими словами, а затѣмъ сравнивалъ съ оригиналомъ, стараясь проникнуть въ тайну изложенія великихъ ораторовъ. То-же дѣлалъ онъ съ Юмомъ, Галламомъ, Локкомъ. Книга, доступная лишь немногимъ избраннымъ, казалась ему недостойной своего высокаго назначенія, какъ бы ни была она умна и даже геніальна.

Кромѣ грандіознаго проекта ознакомиться со всѣми науками, имѣющими отношеніе къ исторіи, и написать исторію цивилизаціи, Бокль, какъ видно, поставилъ себѣ и другую задачу — создать общедоступную философію исторіи, отъ которой не отвернулись бы даже люди безъ спеціальной подготовки и безъ неограниченнаго запаса свободнаго времени. Очевидно, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ разсчитывать не только на свою усидчивость, но и на свои художественные таланты. Вѣдь на самомъ

дѣлѣ общедоступнымъ можетъ быть лишь истинно-художественное произведеніе. Задача «общедоступнаго» изложенія и популяризаціи близка и родственна къ задачѣ искусства вообще. Популяризаторъ долженъ подѣйствовать не только на логическое мышленіе читателя, но и на его чувство, волю, воображеніе, и, стремясь къ этому, Вокль задумалъ дать людямъ не остоу философіи исторіи, не систему ея законовъ, не рядъ доказательствъ, стройно слѣдующихъ другъ за другомъ, а такую книгу, гдѣ бы на основаніи самаго точнаго изученія мельчайшихъ подробностей вырисовывалась картина прошлой жизни человѣчества, гдѣ бы самые законы исторіи являлись не въ видѣ формулъ, а облеченные въ плоть и кровь человѣческихъ страстей, интересовъ, ошибокъ и заблужденій. Художественный талантъ и художественное изложеніе должны были ввести внутрь организма исторіи сильный источникъ свѣта и показать, какъ билось сердце человѣчества, какъ работали клѣточки его мозга, какъ бѣжали въ венахъ шарики его крови...

Громадность задачи не пугала его. А между тѣмъ онъ видѣлъ и зналъ, что въ Англіи онъ—одинъ работникъ на избранномъ имъ поприщѣ. Знаменитые его современники-историки, какъ Маколей, Карлейль, Гротъ, шли совершенно другой дорогой. Стремленія Вокля были чужды имъ.

Маколей былъ истиннымъ романтикомъ исторіи. Работа историка, по его мнѣнію, должна была состоять въ умѣломъ выборѣ характерныхъ чертъ и группировкѣ матеріала. Ему нѣтъ надобности изображать все съ одинаковой подробностью. Одно онъ выдвигаетъ впередъ, другое заслоняетъ болѣе важнымъ, съ цѣлью нарисовать картину эпохи такъ, чтобы читатель, незамѣтно для самого себя, становился современникомъ прошлаго. Маколей не имѣлъ ничего даже противъ вымысла. По его собственнымъ словамъ: «произведенія классическихъ историковъ могутъ быть названы романами, основанными на фактахъ. Разсказъ въ нихъ во всѣхъ главныхъ основаніяхъ безъ сомнѣнія вѣренъ, но безчисленныя мелочи, усиливающія интересъ, слова, движенія, взгляды очевидно созданы воображеніемъ автора. Методъ позднѣйшихъ временъ иной. Писатель сообщаетъ разсказъ болѣе точный. *Сомнительно однако, точнѣ ли становятся отъ этого свѣдѣнія читателя.* Лучшіе портреты едва-ли не тѣ, въ которыхъ

есть легкая примѣсь карикатуры, вымысла, и мы не увѣрены, что *лучшія исторіи не тѣ, въ которыхъ съ толкомъ употреблена доля прикрасъ вымышленнаго изложенія*. Кое-что теряется въ точности, зато много выигрывается *въ эффектъ*. Мелкіе штрихи забываются, но великія характеристическія черты запечатлѣваются въ умѣ навсегда».

Бокль очень уважалъ Маколея. По смерти послѣдняго онъ воскликнулъ какъ-то: «наконецъ-то они (газетчики), преслѣдовавшіе его втеченіе десятилѣтія своими насмѣшками и придирками, поняли, что потеряли». Но, разумѣется, съ изложеннымъ выше взглядомъ на исторію ему нечего было дѣлать. Онъ не позволялъ себѣ придумывать ни одного «жеста, слова, взгляда», не заботился о романическихъ эффектахъ. Къ своей наукѣ онъ относился какъ естествоиспытатель, и если тотъ считаетъ чудовищнымъ всякую прикрасу, то въ сущности такъ же смотрѣлъ на дѣло и Бокль. Его отвлеченному уму исторія представлялась необходимымъ дѣйствіемъ «великихъ и непреложныхъ законовъ», проявляющихся въ личностяхъ, а не ареной, на которой устраиваютъ судьбу народовъ выдающіяся личности. Правители и полководцы мало поражали его воображеніе. Онъ не могъ придавать такого значенія Вильгельму III-му, какъ Маколей; онъ постоянно твердитъ намъ, что центръ исторической тяжести не въ личностяхъ, а въ «общихъ причинахъ».

Но весь романтизмъ Маколея является лишь бѣднымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ романтизмомъ Карлейля. Приступая къ нему, мы уже выходимъ изъ области исторіи, какъ науки, и передъ нами разыгрывается величественная историческая драма, въ которой судьба, силы подземныя и надземныя принимаютъ близкое и прямое участіе. Карлейль изучаетъ прошлое, чтобы творить надъ нимъ судъ. Его приговоръ, часто жестокій и безжалостный, является въ нашемъ историческомъ столѣтіи какъ бы отзвукомъ громовыхъ проклятій Кальвина, Нокса, Мильтона. Все зло, ошибка, несчастія людей—результатъ ихъ грѣховности, ихъ самообожанія, ихъ ненасытной жадности. Надо понять свое бессиліе, ничтожество, надо покаяться и смириться. Только въ преданности и рабской покорности героическому началу жизни, воплощенному въ великихъ людяхъ,—можно найти счастье и только этимъ путемъ можно исполнить свое назначеніе на землѣ—

можно добиться безусловной нравственной чистоты и торжества справедливости. Тяжелый тернистый путь самоотреченія и даже самобичеванія предстоить людямъ, но кто сказалъ, что они рождены для счастья? Страданіе стоитъ надъ ихъ колыбелью, страданіе провожаетъ ихъ въ могилу... Политическая свобода, экономическая самостоятельность, парламенты и свобода печати, богатство и роскошь—ничто передъ словомъ правды, передъ искреннимъ порывомъ сердца. Говоря правду и *дѣлая* правду, человѣкъ входитъ въ общій міровой процессъ, таинственный и грандіозный, безконечный, какъ звѣздное небо, какъ само пространство, сама вѣчность. Но правда жизни доступна лишь избранныкамъ, героямъ. Итакъ—за ними, куда бы они ни повели, къ смерти, или радости, за ними—съ тѣмъ же суровымъ ликованіемъ, съ какимъ шли пуритане за Кромвелемъ, за ними—съ тою же покорностью, съ какой говорилось когда-то: «Caesar morituri te salutant».

Бокль никогда, ни однимъ словомъ не отозвался о Карлейлѣ, не только о его могучихъ памфлетахъ, гдѣ онъ словами великихъ пророковъ Іудей рисуетъ намъ наступившія сумерки человѣчества, громить ложь и развратъ нашей жизни и издѣвается со смѣхомъ озлобленнаго Мефистофеля надъ претензіями человѣка на счастье, но даже мало пользовался и его научными сочиненіями, какъ на примѣръ «Letters and speeches of Oliver Cromwell». Трудно даже представить себѣ такіе противоположные умы, характеры, темпераменты, какъ Карлейль и Бокль. Ихъ мышленіе, ихъ изложеніе — два полюса. Читая Бокля, вы какъ бы идете по старательно разбитому англійскому парку, съ прямыми аллеями, съ группами красивыхъ выхощенныхъ деревьевъ, съ геометрически-правильными лужайками. Карлейль своимъ могучимъ воображеніемъ, неожиданными оборотами своей мысли и слова сразу, съ первыхъ же страницъ, переноситъ васъ въ дебри и тущобы горнаго хребта. Вы идете съ нимъ по краямъ бездонныхъ пропастей, перебираетесь черезъ молчаливые ледники, слышите холодное дыханіе вѣчныхъ снѣговъ. Туманъ то и дѣло окутываетъ васъ, закрываетъ небо и горы. Все говоритъ вамъ о величій жизни, о ничтожествѣ человѣка, все ставитъ васъ лицомъ къ лицу съ неразрѣшенными загадками, все мучаетъ своимъ полнымъ равнодушіемъ къ людямъ, ихъ скорбямъ и ихъ радостямъ. А мрачная величественная фигура историка

высится передъ вами и, протягивая угрожающую руку, твердить постоянно: «покайся и пойми, какъ ты малъ, слабъ, ничтоженъ, какъ преступно твое самообожаніе, какъ наивна твоя самонадѣянность, какимъ дѣтскимъ лепетомъ кажутся твои: «я могу и я хочу» передъ этимъ вѣчнымъ небомъ, этой таинственной природой, поглотившей уже миллиарды тебѣ подобныхъ»...

Маколей съ своими взглядами на исторію, Карлейль съ своей суровой проповѣдью ничего не могли дать Боклю. Онъ былъ одинъ въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе оно вдохновляло его.

Однообразно тянулась его жизнь. Дружбой съ матерью, любовью къ книгамъ, мечтами о будущемъ трудѣ истощается уже интимная ея сторона. Изъ дня въ день онъ все глубже и глубже уходитъ въ свою работу, а его молодость отгоняетъ пока тревожа ныя мысли о томъ, что работа безконечна. Лишь изрѣдка, лежъ больнымъ, измученнымъ, усталымъ на постели, въ лихорадочной жару, обдумывая, что сдѣлано и что остается еще сдѣлать, онъ чувствуетъ головокруженіе, какъ человѣкъ, стоящій на громадной высотѣ при взглядѣ внизъ. Но силы уходятъ каплями, жизнь даетъ пока свои предостереженія мягко и ласково, болѣзнь тревожитъ лишь по временамъ, и та трагедія, которая вся цѣлкомъ воплотилась въ словахъ умирающаго Бокля: «моя книга, моя книга! Я никогда не окончу ея», только готовится въ этой бѣдной и въ сущности нищенской обстановкѣ человѣческой жизни.

Большую часть времени онъ проводитъ за книгами. Чтеніе для него — потребность, развлеченіе, дѣло жизни. Безъ книги онъ не можетъ обойтись ни одного дня. Каждый разъ во время прогулки онъ заходитъ къ букинистамъ, роется въ ихъ рухляди и съ торжествомъ вытаскиваетъ оттуда что-нибудь интересное, какой-нибудь старый запыленный фоліантъ, какое-нибудь рѣдкое изданіе; онъ беретъ съ собою книги въ поѣздки и путешествія, онъ не понимаетъ, какъ можно жить безъ нихъ. «Какая прекрасная вещь — хорошая книга!» — восклицаетъ онъ съ положительной нѣжностью. Къ своему печатному сокровищу онъ относится бережно, любовно, какъ любящій и рачительный хозяинъ. Онъ не позволяетъ себѣ загигать углы на страницахъ, отмѣчать нужныя ему мѣста чѣмъ и какъ попало, держать на своемъ письменномъ столѣ безпорядочно

вороха книгъ. Онъ самъ переплетаетъ книги, заноситъ ихъ въ каталогъ, разставляетъ по полкамъ. Его библіотека все растетъ и пополняется. Громадные шкапы тянутся по стѣнамъ его рабочаго кабинета, число томовъ постепенно достигаетъ почтенной цифры—22-хъ тысячъ.

Быстрота его чтенія поразительна, не менѣе поразительна и память. Цѣлая драма Шекспира, цѣлая рѣчь Борка свободно помѣщается въ его головѣ. Большую часть цитатъ онъ дѣлаетъ на память и лишь потомъ свѣряетъ ихъ съ оригиналомъ. Постепенно неясныя мысли юности о «законахъ исторіи» начинаютъ, благодаря чтенію, кристаллизироваться въ его головѣ. Онъ уже знаетъ, что хочетъ сказать, и настойчиво ищетъ доказательствъ, чтобы явиться во всеоружіи готовымъ на всѣ возраженія. «Или со щитомъ, или на щитѣ» — или новая эра въ изученіи исторіи, или — ничего. Таковъ девизъ Бокля, одареннаго такой горячей кровью, такимъ систематическимъ, холоднымъ, яснымъ умомъ. Волненіе крови создало планъ, передъ грандіозностью котораго блѣднѣетъ большая часть человѣческихъ замысловъ, холодный умъ попытался осуществить его...

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакой возможности прослѣдить ростъ его идей. Онѣ явились передъ нами результатомъ громадной, кропотливой работы, тысячи книгъ напитали ихъ лучшимъ своимъ сокомъ, сильная, упорная мысль работала надъ ихъ кристаллизацией. Мы знаемъ ихъ уже высказанными въ гордой самоувѣренной формѣ, въ формѣ: «да будетъ свѣтъ», и съ грустью должны оставить всякую попытку нарисовать картину ихъ роста, кризисовъ, ихъ дѣтскихъ болѣзней, ихъ возмужалости. Все, что въ нашихъ средствахъ,—это указать главнѣйшія вліянія, которыя оказали на Бокля мыслители, раньше его выступившіе на избранный имъ путь.

Тѣ, кто внимательно читалъ «Исторію Цивилизаціи», знаютъ, что Маккиавелли, Вико, Монтескье и Контъ особенно сильно повліяли на Бокля и на его философско-историческіе взгляды. Но мы, сберегая мѣсто, остановимся лишь на двухъ послѣднихъ.

Бокль самъ сказалъ намъ, чему научился онъ у Монтескье; намъ остается привести его собственныя слова.

«Сочиненія Монтескье—читаемъ мы въ «Исторіи Цивилизаціи»—представляютъ двѣ главныя особенности. Первая состоитъ въ полнѣй-

шемъ устраненіи тѣхъ анекдотовъ и мелочныхъ подробностей касательно отдѣльныхъ личностей, которые принадлежать біографіи и съ которыми, какъ ясно видѣлъ Монтескьё, *исторія не имѣетъ ничего общаго*. Вторая состоитъ въ весьма замѣчательной попыткѣ, которую онъ впервые сдѣлалъ: *провести связь между исторіей человека и тѣми науками, которыя имѣютъ предметомъ своимъ внѣшній міръ*.

«Пренебреженіе Монтескьё къ мелкимъ подробностямъ о дворахъ, министрахъ и государяхъ, составляющимъ величайшую отраду обыкновенныхъ компиляторовъ, соединялось въ немъ съ такимъ же пренебреженіемъ къ другимъ, дѣйствительно интереснымъ подробностямъ, касающимся умственныхъ особенностей тѣхъ немногихъ истинно великихъ людей, которые появлялись по временамъ на поприщѣ общественной жизни. Это происходило отъ сознанія Монтескьё, что подобныя вещи хотя и весьма интересны, но маловажны. Онъ *зналъ*, чего не подозрѣвалъ ни одинъ историкъ, предшествовавшій ему, *что въ великомъ ходѣ дѣлъ человеческихъ личныя особенности не имѣютъ никакого значенія*, и что поэтому историкъ, котораго онъ вовсе не касался, долженъ предоставлять ихъ біографу, области котораго онъ и подлежатъ. Вслѣдствіе этого онъ не только относится къ могущественнымъ властителямъ съ такимъ пренебреженіемъ, что передаетъ все царствованіе 6-ти императоровъ въ двухъ строкахъ, но постоянно указываетъ на *необходимость даже и по отношенію къ великимъ личностямъ подчинять ихъ исключительное вліяніе болѣе общему вліянію окружающаго ихъ общества*.

«... Событія, о которыхъ повѣствуютъ обыкновенные историки, лишены всякой дѣли. Событія эти, вмѣсто того чтобы быть причинами, представляютъ собою скорѣе случаи, въ которыхъ проявляется дѣйствіе общихъ истинныхъ причинъ. Ихъ можно бы назвать историческими случайностями, а относиться къ нимъ должно всегда, какъ къ явленіямъ, подчиненнымъ тѣмъ обширнымъ и всеобъемлющимъ условіямъ, которыми одними только и управляется въ окончательномъ результатѣ возвышеніе и паденіе народовъ.

«... И такъ первая и великая заслуга Монтескьё состоитъ въ томъ, что онъ *велъ полное отдѣленіе біографіи отъ исторіи и заставлялъ историковъ изучать не особенности личныхъ характеровъ, а общее свойство того общества, въ которомъ являлись эти особенности*. Если бы этотъ замѣчательный человекъ не сдѣлалъ ничего больше, онъ оказалъ бы уже неоцѣненную услугу исторіи, объяснивъ, какимъ образомъ одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ ея заблужденій можетъ быть успѣшно устраненъ. И хотя мы къ несчастію до сихъ поръ не пожали еще всѣхъ плодовъ отъ поданнаго имъ примѣра, потому что преемники его рѣдко имѣли способность подняться до такихъ высокихъ обобщеній,—несомнѣнно однако, что послѣ него приближеніе къ столь возвышеннымъ воззрѣніямъ замѣчается даже среди посредственныхъ писателей, которые по недостатку надлежащей обширности

ума оказываются неспособными усвоить себѣ всѣ эти воззрѣнія въ цѣломъ ихъ объемѣ.

«... Кроме того Монтескьѣ сдѣлалъ другой великій шагъ въ методахъ исторіографіи. Онъ былъ первымъ писателемъ, который въ изслѣдованіи связи между социальными условіями страны и ея законодательствомъ обратился къ помощи *естественныхъ наукъ*, дабы разобратъ, какимъ образомъ характеръ какой нибудь данной цивилизаціи измѣняется отъ вліянія вѣшняго міра. Въ своемъ сочиненіи о духѣ законовъ онъ старался изслѣдовать естественную связь между гражданскимъ и политическимъ законодательствомъ народа и климатомъ, почвою и пищею его страны... Онъ обогатилъ исторію введеніемъ въ нее естественно-научныхъ изслѣдованій, онъ укрѣпилъ исторію отдѣленіемъ ее отъ біографіи и освобожденіемъ отъ подробностей, которыя никогда не бывають важны и часто ложатся совершенно ненужнымъ бременемъ на память и мысль читателя».

Послѣ сказаннаго нами выше о Боклѣ распространяться о томъ, что взялъ онъ у Монтескье, было-бы излишнимъ. Его задача, какъ и задача Монтескье, сводилась къ тому, чтобы изъ исторіи сдѣлать «естественную исторію», изъ перечня фактовъ, побѣдъ, завоеваній — философскій трактатъ, конечная цѣль котораго — руководство жизнью, управленіе ходомъ историческихъ событій. Но Бокль пошелъ дальше Монтескье. Человѣкъ XIX вѣка, онъ имѣлъ уже подъ рукою и статистику, и политическую экономію. Онъ могъ оперировать надъ цѣлыми обществами, народами, тогда какъ въ распоряженіи Монтескье находились данныя лишь объ отдѣльныхъ личностяхъ, данныя, которыя онъ самъ считалъ незначительными и маловажными. Бокль уже доказывалъ то, что Монтескье только угадывалъ и высказывалъ, какъ предположеніе, порою даже какъ афоризмъ.

Другой мыслитель, чьи заслуги не дождались еще достойной оцѣнки — Контъ, не менѣе Монтескье оказалъ вліянія на умственное развитіе Бокля, хотя все-же нельзя согласиться съ тѣми, кто говоритъ, что если бы не было «Положительной Философіи» — не было-бы и «Исторіи Цивилизаціи». Двѣ книги родственны другъ другу, точка зрѣнія, съ которой въ нихъ разсматриваются судьбы человѣчества, — одинакова. Первенствующее значеніе умственного развитія и знаній — несомнѣнно какъ для Конта, такъ и для Бокля. Не видѣть въ ихъ трудахъ преемственности идей невозможно, какъ невозможно не видѣть и проявленія позитивнаго духа нашего вѣка. Могущественное вліяніе этого послѣдняго столько-же повинно въ сходствѣ взглядовъ мыслителя-француза и мыслителя-англичанина, какъ и прямое взаимодействіе.

Контъ и Бокль были современниками; почти въ одно и то же время создавались ихъ знаменитые труды; главный интересъ ихъ обоихъ сосредоточенъ на тѣхъ-же вопросахъ: выводы. къ которымъ они приходятъ, въ большинствѣ случаевъ одинаковы; мало того. у нихъ общіе учителя—Вико, Вольтеръ, Монтескье, Тюрго, Кондорсэ, и, несмотря на это, глубокое различіе между ними сразу, же бросается въ глаза: одинъ былъ до мозга костей французомъ—другой—англичаниномъ. Изучая «Исторію Цивилизаціи» и «Положительную Философію», мы можемъ прослѣдить вліяніе національности и исторіи даже въ высшихъ областяхъ духа, даже въ отвлеченнѣйшихъ намъ выводахъ разума. Начните съ метода. Контъ, посвятившій десятки блестящихъ страницъ доказательству того что «наука объ обществѣ должна быть индуктивной и въ выводахъ своихъ переходить отъ частнаго къ общему»—самъ между тѣмъ держится умозрѣнія. Факты, приводимые имъ, только иллюстрируютъ его положенія, формулы, законы, а не являются тѣмъ матеріаломъ, изъ обработки котораго вытекали-бы его выводы. Бокль наоборотъ, какъ истинный ученикъ Бэкона, боится всякаго предугадыванія и даетъ свое обобщеніе лишь послѣ цѣлаго ряда критически провѣренныхъ фактовъ. Контъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, что, въ то время какъ онъ пишетъ свою философію, химію, астрономію и пр., эти науки ушли уже далеко впередъ; Бокль перерабатываетъ цѣлыя страницы и даже главы, разъ оказываются новыя данныя. Контъ ни на кого не ссылается, во всѣхъ 6-ти томахъ его «Положительной Философіи» нѣтъ почти ни одного примѣчанія. Бокль не побоялся кропотливой работы и каждый даже незначительный свой выводъ обставилъ цитатами, чтобы читатель имѣлъ передъ собой тотъ фактическій матеріалъ, на который онъ опирался самъ. Когда только возможно, Бокль обращается къ статистикѣ, и для него очевидно, что статистическое доказательство лучшее и несомнѣннѣйшее; Контъ совершенно не знаетъ статистики.

Но различіе между Контомъ и Боклемъ становится еще глубже и непримиримѣе, когда дѣло доходитъ до практическихъ выводовъ. Вѣковая исторія Франціи и вѣковая исторія Англіи, такъ рѣзко противоположныя другъ другу, заставили обоихъ мыслителей, дойдя вмѣстѣ до извѣстнаго пункта, разойтись въ разныя стороны. Исторія своего народа, мощное вліяніе католицизма втеченіе всѣхъ прежнихъ вѣковъ научили Конта видѣть все спасеніе

въ сильной центральной власти, которая во все-бы вмѣшивалась, всѣмъ бы руководила, все-бы подчиняла себѣ. Даже «обученіе нравственности и альтруизму» Контъ возлагаетъ на государственныхъ чиновниковъ, которымъ и даетъ наименованіе духовенства; къ его мечтамъ о будущемъ общественномъ устройствѣ можно вполне примѣнить слова, сказанныя Боклемъ о французахъ вообще. «Ясно,— пишетъ онъ, что французы меньше знаютъ, но что они больше *вѣрятъ*. Ясно, что развитіе ихъ было задержано преобладаніемъ тѣхъ чувствъ, которыя обращаются къ древности, какъ къ единственному хранилищу мудрости. Причину этого надо искать въ существованіи *духа опеки*, который такъ опасенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ благовиденъ, что составляетъ самое серьезное изъ препятствій, съ которыми приходится бороться развивающейся цивилизаціи. Этотъ духъ, который по справедливости можно назвать злымъ, всегда былъ сильнѣе во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Во Франціи онъ до сихъ поръ ведетъ къ вреднымъ результатамъ. Онъ тѣсно связанъ съ любовью къ централизаціи, которая проявляется въ механизмѣ французскаго правительства и въ духѣ французской литературы».

Этимъ духомъ былъ одержимъ и Контъ, какъ социальный реформаторъ, не даромъ-же въ срединѣ XIX-го вѣка ему пришла въ голову странная и болѣзненная фантазія произвести себя въ первосвященника и проповѣдывать покорность и подчиненіе въ то время, какъ вокругъ него бушевали разнузданныя страсти. Но онъ вѣрилъ, что можетъ быть образовано новое папство, могущественное, какъ папство XI-го вѣка, и что новый Григорій VII будетъ господствовать надъ землею въ ореолѣ своей непогрѣшимости, подвергая душу человѣческую строгой дисциплинѣ.

Но «народъ хитрѣе сталь». Личность не только сознала, но даже переоцѣнила себя, она уже не можетъ быть радостно покорной и радостно подчиненной, какъ прежде, она покорна и подчиненна, лишь когда ей выгодно это или когда она боится. Очень можетъ быть, что это не особенно поэтично, зато справедливо.

Англійская исторія привела Бокля къ выводамъ прямо противоположнымъ. Его четвертый знаменитый догматъ гласитъ, что «задержка умственного движенія, а слѣдовательно и цивилизаціи—есть духъ излишней опеки (централизаціи), что общество не можетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока жизнь его находится почти во всѣхъ

отношеніяхъ подѣ чрезмѣрнымъ контролемъ и опекой. Ни одинъ англичанинъ, начиная съ 1649 г., не возражалъ противъ этого, не оспаривалъ положенія, выработаннаго вѣками суровой исторической жизни. Это поистинѣ первый членъ великобританскаго символа вѣры, первая заповѣдь англійской исторіи. «Мое изслѣдованіе—продолжаетъ Бокль,—находить то, что люди только недавно еще начали понимать, именно—что въ политикѣ, гдѣ не открыты еще точныхъ началъ, первыми условіями успѣха являются: компромиссъ, взаимный обмѣнъ услугъ, практичность и уступка» *).

Можно ли найти бóльшую противоположность взглядамъ Конта? Возьмите еще одинъ оселокъ, почти безошибочно опредѣляющій свойство умовъ человѣческихъ — именно идею развитія, эволюціи. Контъ считаетъ нашъ современный промышленный строй совершеннымъ и вѣчнымъ; онъ не допускаетъ, чтобы проектируемая имъ общественная организація могла измѣниться; онъ полагаетъ самые узкіе предѣлы вѣдѣнію людей даже по отношенію физическихъ явленій, утверждая напр., что мы никогда не узнаемъ, изъ чего состоятъ звѣзды. У него всюду точки, всюду предѣлы, ихъ же не преидешь. Бокль признаетъ безконечность развитія и движенія, для него все относительно, вся историческая категорія, т. е. проявленіе извѣстныхъ, постоянно мѣняющихся условій и обстоятельствъ. Лишь вопросы о бытіи Бога и безсмертіи души считаетъ онъ недоступными разуму человѣческому.

Есть однако одинъ пунктъ, быть можетъ самый важный, въ которомъ обязательства Бокля по отношенію къ Конту несомнѣнны. Контъ первый строго и ясно формулировалъ необходимость изучать соціальныя явленія ради открытія законовъ, ими управляющихъ, употребляя слово «законъ» въ строго научномъ смыслѣ, и его вліяніе сказывается даже на тѣхъ писателяхъ, которые прямо отрекаются отъ духовнаго родства съ отцомъ позитивизма. Бокль не считалъ себя контистомъ, но вотъ центральный пунктъ его ученія, истинное и первое доказательство котораго принадлежитъ не ему, а автору «Курса положительной философіи».

«Для тѣхъ, кто твердо сознаетъ правильность явленій и кто прочно усвоилъ себѣ ту великую истину, что дѣйствія людей, исходя отъ предшествовавшихъ имъ причинъ, въ дѣйствительности никогда не

*) Контъ между прочимъ предоставлялъ управленіе свѣтскими дѣлами *банкирамъ*.

бываютъ непослѣдовательны и что, при всей кажущейся произвольности своей, они составляютъ часть одной обширной системы всеобщаго порядка, которой, при настоящемъ состояніи знанія, мы можемъ видѣть одно лишь начертаніе; для тѣхъ, кто понимаетъ эту истину, составляющую какъ ключъ, такъ и основаніе исторіи, приведенные нами выше факты далеко не покажутся странными, а представляются тѣмъ именно, чего можно было ожидать и что давно уже должно было быть извѣстно. И въ самомъ дѣлѣ, въ виду тѣхъ быстрыхъ и положительныхъ успѣховъ, которые начинаетъ дѣлать изысканіе, я почти не сомнѣваюсь, что не пройдетъ столѣтія — и рядъ доказательствъ дополнится, и будетъ такъ-же трудно найти историка, отрицающаго неуклонную правильность въ мірѣ нравственномъ, какъ теперь трудно найти философа, отвергающаго правильность въ мірѣ матеріальномъ».

И далѣе.

«Въ самомъ дѣлѣ, въ виду безпрестанныхъ столкновеній чело-
вѣка съ внѣшнимъ міромъ, намъ становится яснымъ, что должна существовать связь между дѣйствіями человѣческими и законами природы, и что если естествознаніе еще не было примѣнено къ исторіи, то это потому, что историки или не замѣтили этой связи, или замѣтили самую связь, но не имѣли достаточныхъ познаній, чтобы прослѣдить ея дѣйствіе. Отсюда произошло неестественное разъединеніе двухъ главныхъ отраслей изслѣдованія: изученія внутренняго и изученія внѣшняго міра; и хотя въ настоящемъ состояніи европейской литературы замѣтны нѣкоторые несомнѣнные признаки желанія прорвать эту искусственную преграду, но все-таки должно сознаться, что до сихъ поръ еще ничего не было сдѣлано для достиженія этой великой цѣли. Моралисты, теологи и физики продолжаютъ заниматься своими предметами, не обращая особеннаго вниманія на этотъ, по ихъ мнѣнію, низшій разрядъ ученыхъ занятій; они даже часто нападаютъ на этого рода изслѣдованія, какъ на нѣчто враждебное интересамъ религіи и внушающее намъ слишкомъ большое довѣріе къ человѣческому разуму. Съ другой стороны, естествоиспытатели, сознавая, что они — передовая корпорація, естественнымъ образомъ гордятся своими успѣхами и, противопоставляя свои открытія застою своихъ противниковъ, проникаются презрѣніемъ къ тѣмъ занятіямъ, бесплодность которыхъ теперь стала очевидна.

Дѣло историковъ стать посредниками между этими двумя партіями и примирить ихъ враждебныя домогательства, указать пунктъ, на которомъ ихъ изученія должны соединиться. Установить условія этой коалиціи значитъ заложить основаніе всей исторіи. Такъ какъ исторія занимается дѣйствіями людей, а дѣйствія эти не что иное, какъ результатъ столкновенія между явленіями внѣшняго и внутренняго міра, то необходимо взвѣсить относительную важность этихъ явленій, узнать, до какой степени извѣстны ихъ законы, и удостовѣриться, какими вспомогательными средствами для будущихъ открытій обладаютъ два главные класса ученыхъ: изслѣдователи человѣческаго духа и изслѣдователи природы».

Свое «Изслѣдованіе духа человѣческаго» Бокль думалъ закончить въ 10 лѣтъ. 10 лѣтъ прошли, а онъ былъ только въ самомъ началѣ работы. Несомнѣнно впрочемъ, что онъ началъ писать книгу раньше 1850-го года. Писалъ онъ медленно, скорѣе сдерживая вдохновеніе, чѣмъ насилуя его. Онъ брался за перо лишь въ томъ случаѣ, когда цѣлый параграфъ окончательно складывался въ его головѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Выдумывать что-нибудь за письменнымъ столомъ онъ не могъ, лучшія мысли и даже періоды приходили ему всегда во время прогулки. Переправлять рукописи онъ не любилъ, а если какое нибудь мѣсто не нравилось ему или казалось недостаточно сильно выраженнымъ, онъ передѣлывалъ его отъ начала до конца, что отнимало массу времени. Но чѣмъ больше утомляла его работа, чѣмъ болѣе недостижимой казалась конечная цѣль, — тѣмъ больше онъ любилъ ее, любилъ до страсти, до самоотреченія.

Онъ опять путешествовалъ. Его мысль, исключительно сосредоточенная возлѣ одного вопроса, была однако такъ мало воспримчива къ окружающему, что путешествіе не доставляло ему особеннаго удовольствія. Какъ бы нехотя записываетъ онъ въ свой дневникъ, что то-то и то-то «очень интересно» — «very interesting». Къ этому «very interesting» онъ не прибавляетъ ни одного слова.

Въ дневникѣ, относящемся къ этому времени, онъ то и дѣло упоминаетъ о болѣзни своей матери, которая очевидно сильно его беспокоитъ. Я уже говорилъ выше, что мать онъ любилъ горячо; въ сущности она была его единственнымъ другомъ вплоть до самой своей смерти. Только ей повѣрялъ онъ свои мысли, только ей — и никому больше — читалъ онъ свою «Исторію» по мѣрѣ того, какъ она выливалась изъ-подъ пера. Передъ посторонними онъ рѣшилъ являться не иначе, какъ съ чѣмъ-нибудь капитальнымъ, законченнымъ.

Этимъ «капитальнымъ, законченнымъ» должна была оказаться уже не «Исторія Цивилизаціи», какъ предполагалъ раньше Бокль, а «Исторія Цивилизаціи *Англіи*». Несмотря на все трудолюбіе, несмотря на всю свою гордость, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сократить программу своей работы. Онъ понялъ, что она не подъ силу одному человѣку, особенно такому, какъ онъ, «который долженъ прочесть сто книгъ и провѣрить всѣ данныя, прежде чѣмъ написать страницу»...

Изученіе естественныхъ наукъ, къ чему онъ совершенно не

былъ подготовленъ въ юности, отнимало массу времени. Онъ доводилъ свою добросовѣстность до щепетильности, быть можетъ даже совершенно излишней. 31-го августа 1851 года онъ записываетъ наприимѣръ въ свой дневникъ: «Читалъ главу о воспаленіи въ «Физиологіи» Карпентера и перешелъ затѣмъ къ «Началамъ медицины» Вилльямса. Это даетъ мнѣ возможность вполнѣ понять взгляды Гунтера и Куллена». Онъ изучаетъ ботанику, химию, метеорологію, физиологію нервовъ, патологию, высшую математику, самъ возится съ микроскопомъ, составляетъ гербарій, штудируетъ сравнительную анатомію. Ненасытная жажда познанія владѣетъ имъ, его умственный голодъ растетъ изо дня въ день, онъ истощаетъ себя и не замѣчаетъ, не хочетъ замѣчать этого. А природа безжалостна. Какое ей дѣло до исторіи цивилизаціи, до непреложныхъ законовъ, до новыхъ открытій. Она знаетъ только то, что если человѣкъ работаетъ сверхъ силъ, его надо наказать за это. И она наказываетъ Бокля. Къ тридцати годамъ у него появляется уже лысина и нездоровая опухлость лица. Ощущенія слабости становятся чаще, то и дѣло появляются пароксизмы возбужденія.

Страстный курильщикъ вообще, онъ начинаетъ курить запоемъ. Онъ отказывается ходить въ гости въ тѣ дома, гдѣ не принято курить. вмѣстѣ съ этимъ его мозгъ становится все болѣе безпокойнымъ и тревожнымъ и теряетъ способность отдыхать. Состояніе, похожее на обморокъ, или состояніе возбужденное, нетерпѣливое смѣняють другъ друга. Въ это время онъ особенно полюбилъ разговоры, хотя и не отличался особеннымъ мастерствомъ въ этомъ дѣлѣ. Но бесѣда служила ему тѣмъ-же, чѣмъ служить шприцъ для морфиномана. Онъ забывалъ свою усталость, разгорячался, чтобы потомъ, разумѣется, ослабѣть вдвое. Шахматную же игру, какъ слишкомъ утомительную, ему пришлось бросить.

А между тѣмъ книга была въ самомъ началѣ. Естественны поэтому минуты унынія даже для такого выдержаннаго человѣка, какъ Бокль. Однажды онъ писалъ своей пріятельницѣ, миссъ Грей:

«Я не скрою отъ васъ, что порою меня огорчаетъ и даже угнетаетъ мысль о томъ, какъ ничтожны мои силы въ сравненіи съ моими мечтами, надеждами, планами. Моя голова по временамъ слаба, мысль недостаточно ясна. Увѣряють, что мнѣ нечего бояться — увидимъ... Остановиться на полдорогѣ, не завершить того, что является въ моихъ глазахъ великимъ дѣломъ, прожить, не оставивъ

по себѣ слѣдъ—вотъ грустное будущее, которое рисуется передо мной и кажется мнѣ возможнымъ. Думая о немъ, я чувствую, какъ холодѣетъ моя кровь. Быть можетъ я мечталъ о слишкомъ многомъ, но вѣдь временами я чувствовалъ въ себѣ присутствіе такой силы, такой проницательности, такой власти надъ міромъ мысли, — что не пустое тщеславіе заставило меня повѣрить въ себя и взяться за дѣло, которого вѣроятно никогда не окончу».

Не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ это письмо на другихъ, но думается, что трудно было-бы не разсмотрѣть въ немъ трагедіи, — трагедіи безъ жестовъ, громкихъ словъ, длинныхъ и трогательныхъ монологовъ и безъ всякихъ романическихъ любовныхъ прикрасъ. Вѣдь трагическое всегда получается отъ столкновенія личности человѣческой, ея стремленій, ея горячаго чувства, ея страсти съ мертвыми и холодными «законами», все равно чего — природы-ли, общественной-ли жизни, религіи-ли, государственнаго-ли устройства. Главными дѣйствующими лицами во всѣхъ греческихъ трагедіяхъ являются съ одной стороны Судьба — то воплощенная въ образѣ безстрастнаго слѣпого существа, передъ таинственнымъ могуществомъ котораго трепещетъ самъ громовержецъ, то въ образѣ нравственнаго закона, преслѣдующаго несчастнаго Эдипа, то въ образѣ Креона, устами котораго говоритъ неумолимая государственная власть, — съ другой живое человѣческое чувство, живой порывъ любящаго или ненавидящаго сердца. Бокль въ своей недолгой и такой тусклой извнѣ жизни вынесъ то же столкновение. Безсиліе отдѣльной человѣческой воли, ничтожность отдѣльнаго человѣческаго порыва передъ могуществомъ бытія дали почувствовать себя жестоко и страшно. Прочтя приведенное письмо вы уже предчувствуете его глубоко грустные предсмертные слова.

Но силы исчезали медленно, по каплямъ. Онъ могъ еще работать и работалъ такъ же усиленно, какъ прежде, несмотря на очевидные признаки переутомленія. Какъ и всякая хроническая болѣзнь, вродѣ чахотки наприимѣръ, это переутомленіе дѣйствовало сначала даже возбуждающимъ образомъ на его нервы и мозговую дѣятельность, и скоро стала періодически появляться бессонница. Несмотря на это, онъ рѣшилъ пренебречь совѣтами насчетъ полного отдыха и, «разъ нельзя сдѣлать всего, сдѣлать хоть что-нибудь». 10-го января 1855 года онъ записываетъ въ

своемъ дневникѣ: «Началъ приводить въ порядокъ книги, которыя я цитирую въ примѣчаніяхъ къ первому тому»; 22 іюля того же года: «Наконецъ-то принялся за переписку своего сочиненія для типографіи»; 10 сентября: «Отчаяваюсь, что удастся закончить когда-нибудь работу».

Къ счастью, опасеніе оказалось ложнымъ. Начисто рукою самого Бокля переписанная рукопись перваго тома была готова въ 1856 году.

III.

«Исторія цивилизаціи въ Англіи».

Для перваго тома своей «Исторіи» Бокль не нашелъ издателя. Богатая фирма «Паркеръ и Сынъ» испугалась риска, связаннаго съ изданіемъ сочиненія совершенно неизвѣстнаго автора, и возвратила Боклю его рукопись, — фактъ, нелишенный интереса для характеристики книжнаго дѣла въ нашемъ просвѣщенномъ столѣтіи. Издательская логика имѣетъ свои капризы и расчеты, не всегда доступныя пониманію обыкновеннаго смертнаго. и мнѣ кажется, что мы совершенно напрасно упрекаемъ XVII-ый вѣкъ и считаемъ бревномъ въ его глазѣ небрежное отношеніе къ «Потерянному Раю» Мильтона. Мильтонъ вынужденъ былъ продать рукопись своей поэмы за 50 рублей, но и въ наши дни совершаются вещи, ничуть не лучшія. Манускриптъ лучшаго изъ произведеній Карлейля «Sartor Resartus» пожелтѣлъ во время мытарствъ по редакціямъ журналовъ, «Логику Милля» никто не хотѣлъ издавать. «Происхожденіе Видовъ» Дарвина и «Исторія Цивилизаціи» Бокля были отпечатаны насчетъ ихъ авторовъ, такъ какъ гг. Паркеры и Сыновья не считали эти труды достаточно интересными. Да, много еще времени пройдетъ, прежде чѣмъ мы будемъ вправѣ гордиться своимъ просвѣщеніемъ, пока же мы не умѣемъ даже освободить лучшія созданія человѣческаго духа отъ прихотей, капризовъ и грошевыхъ расчетовъ торгашей.

Будь Бокль бѣденъ, очень можетъ быть, что его «Исторія Цивилизаціи» не увидѣла бы свѣта, по крайней мѣрѣ при его жизни, но онъ самъ рѣшился подвергнуться «риску расходовъ». Переписка съ издательскими фирмами, тормозившая дѣло, раздражала его. Какъ видно изъ его писемъ, его начинала даже, хотя и смутно,

тревожить мысль о смерти. Но вотъ любопытная психологическая черта. Смерть пугала его, но не мистической своей стороною, не страсть передъ таинственной страной, откуда не возвращался еще ни одинъ путникъ, томилъ и мучилъ его; онъ боялся лишь того, что не успѣетъ закончить своего дѣла. Онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, хотя мы и не знаемъ, въ какомъ видѣ представлялось ему это безсмертіе, — но безсмертіе здѣсь на землѣ прельщало его не менѣе.

Въ 1858 г. 1-й томъ Исторіи Цивилизаціи вышелъ изъ-подъ печатнаго станка. Бокль посвятилъ его матери, и на первой страницѣ крупно были отпечатаны слова: «матери моей посвящаю этотъ первый томъ моего перваго сочиненія». Наконецъ то можно было вздохнуть съ облегченіемъ и расправить свои усталыя руки. Книга раскупалась быстро и втеченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ разошлась въ 700-хъ экземплярахъ. Всѣ англійскіе журналы, газеты дали о ней свои отзывы — довольно впрочемъ сдержанные. Американцы немедленно перепечатали изданіе, а черезъ годъ «Исторія» была уже переведена на всѣ европейскіе языки, кромѣ турецкаго и испанскаго.

Бокль внимательно слѣдилъ за впечатлѣніемъ, произведеннымъ его трудомъ. Въ октябрѣ 58-го года онъ писалъ напримѣръ миссъ Ширефъ: «Такъ какъ я собираю всѣ критическіе отзывы о моей книгѣ, то сообщите пожалуйста № газеты, гдѣ вы прочли замѣтку. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытно будетъ пересмотрѣть отзывы. Не бѣда, что замѣтка появилась не въ спеціальному органѣ; признаюсь откровенно, что я буду очень радъ, если книга проникнетъ въ большую публику. Масса, правда, не можетъ оцѣнить съ критической точки зрѣнія моихъ научныхъ заслугъ, но она — лучшій судья, разъ вопросъ коснется общественныхъ, практическихъ результатовъ и выводовъ труда. Мнѣ бы хотѣлось воздѣйствовать на обширный классъ читателей, и я надѣюсь достигнуть этого».

Нападки на Бокля очень многочисленны. Въ сущности онъ не удостоился ни одного безусловно лестнаго отзыва. Всѣхъ смущала мысль, что это лишь первый томъ введенія, и грандіозность плана представлялась безумной. Автора то и дѣло упрекали за самонадѣянность. Но особенно возмущались ханжи, которыхъ много повсюду, а въ Англіи больше чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Можно ли такъ непочтительно отзываться о духовенствѣ? Можно ли считать нравственныя истины неподвижными и подчиненными

твенному развитію! Милыя словечки родѣ «атеистъ», «безправ-
венный» въ изобиліи сыпались со всѣхъ сторонъ. Какъ ни былъ
Бокль самоувѣренъ, эти осеннія мухи ханжества и лицемерія по-
рядочно раздражали его.

Все-же успѣхъ былъ несомнѣненъ, и даже въ денежномъ отношеніи
18 лѣтъ работы не прошли даромъ. Когда не было еще распро-
дано первое изданіе, «Паркеръ и К^о» предложили Боклю 5000 р.
за право на второе и не сочли рискованнымъ отпечатать его сра-
зу въ 2.000 экземплярахъ, хотя раньше боялись и 500. Но
было уже слишкомъ очевидно, что книга не скоро сойдетъ съ рынка.

Многіе иностранные критики, желая унижить Бокля, приписы-
вали успѣхъ «Исторіи Цивилизаціи» главнымъ образомъ ея «патріо-
тическому одушевленію». Что есть патріотическое одушевленіе —
это несомнѣнно. Но гдѣ тотъ англичанинъ, который не считалъ
свою страну первой въ мірѣ, а ея цивилизацію совершеннѣй-
шей. — Какъ ни смѣлъ былъ Карлейль, какіе громы не бросалъ онъ
на современное ему общество, и онъ все-же ставилъ свой народъ на
первый планъ и отводилъ ему первое мѣсто. Это чисто англійская
черта и ничего нѣтъ удивительнаго, что мы видимъ ее у Бокля.
Дѣло слѣдовательно не въ томъ, что она существуетъ, а въ томъ,
чѣмъ аргументируется. Въ V-ой главѣ 1-го тома Бокль объяс-
няетъ причины, по которымъ его «трудъ ограничивается исторіей
одной Англіи».

«Такъ какъ, — говоритъ онъ, — величайшая польза, могущая про-
изойти отъ изученія прошедшихъ событій, заключается въ возможности
привести въ извѣстность законы, которыми они управлялись, то, оче-
видно, исторія каждаго народа становится для насъ тѣмъ болѣе цѣнной,
чѣмъ менѣе былъ нарушаемъ естественный ходъ его развитія вліяніями
внѣшними. Всякое иностранное или внѣшнее вліяніе, дѣйствующее на
какой-нибудь народъ, вводитъ чуждые элементы въ естественное
развитіе его и потому усложняетъ обстоятельства, которыя мы ста-
раемся изслѣдовать. Между тѣмъ упрощеніе всякихъ сложныхъ явлен-
ій составляетъ во всѣхъ отрасляхъ знанія существенное условіе
успѣха. Эта истина весьма знакома лицамъ, изучающимъ естествен-
ныя науки; имъ нерѣдко удастся посредствомъ одного опыта открыть
то, чего прежде тщетно добивались путемъ безчисленныхъ наблюденій;
дѣло въ томъ, что, производя опыты надъ явленіями, мы можемъ от-
дѣлать отъ нихъ все, что ихъ усложняетъ, и такимъ образомъ, по-
ставивъ ихъ внѣ вліянія неизвѣстныхъ дѣятелей, дать имъ возможность
идти, такъ сказать, своимъ собственнымъ ходомъ и раскрыть намъ
дѣйствіе ихъ собственнаго закона.

Итакъ, вотъ истинное мѣрило, по которому мы должны опредѣлять значеніе исторіи каждаго народа. Важность исторіи какой-либо страны зависитъ не отъ блистательности встрѣчающихся въ ней подвиговъ, но отъ того, въ какой степени дѣйствія народа проистекали изъ заключающихся въ немъ самомъ причинъ. Еслибы слѣдовательно мы могли найти какую-нибудь цивилизованную націю, которая бы вырабатала свою цивилизацію сама собою, совершенно избѣгнувъ всякаго иноземнаго вліянія, и не была бы ни подвинута впередъ, ни задержана на пути развитія личными качествами своихъ правителей, — то исторія этой націи была бы важнѣе всякой другой, потому что она представляла бы условія совершенно нормальнаго и самобытнаго развитія и показала бы намъ, какъ дѣйствуютъ законы прогресса въ состояніи уединенія; она была бы какъ бы готовымъ для насъ опытомъ и имѣла бы ту же цѣну, какъ тѣ искусственныя сочетанія обстоятельствъ, которымъ естественныя науки обязаны столь многими открытіями.

Найти такой народъ очевидно невозможно, тѣмъ не менѣе историкъ-философъ обязанъ избрать для спеціальнаго изученія такую страну, которая возможно болѣе удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Но конечно каждый изъ насъ, а также и каждый образованный иностранецъ согласится съ тѣмъ, что Англія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, удовлетворяла означеннымъ условіямъ постоянно и успѣшнѣе, чѣмъ какая либо другая страна. Я уже не говорю о многочисленности нашихъ открытій, о блескѣ нашей литературы и объ успѣхахъ нашего оружія; все это предметы, возбуждающіе народную зависть, и другіе народы можетъ быть откажутъ намъ въ признаніи этихъ преимуществъ, которыя мы легко можемъ преувеличивать. Но я ограничиваюсь единственно тѣмъ положеніемъ, что въ Англіи долѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ европейскихъ государствъ, правительство оставалось совершенно спокойнымъ, между тѣмъ какъ народъ былъ въ высшей степени дѣятеленъ; въ Англіи свобода націи установилась на самомъ широкомъ основаніи: тамъ каждый человѣкъ имѣетъ полную возможность говорить, что думаетъ, и дѣлать, что хочетъ; всякій слѣдуетъ своему образу мыслей и открыто распространяетъ свои мнѣнія; такъ какъ въ Англіи почти не знаютъ преслѣдованій за религію, то въ этой странѣ можно ясно видѣть развитіе человѣческаго ума, не стѣсненное тѣми преградами, которыя ограничиваютъ его въ другихъ странахъ. Въ этой странѣ открытое исповѣданіе ереси наименѣе опасно и отступленіе отъ господствующей церкви наиболѣе обыкновенно; убѣжденія, враждебныя одно другому, процвѣтаютъ рядомъ и возникаютъ и падаютъ безпрепятственно, согласно съ потребностями народа, не подчиняясь желаніямъ церкви и не подвергаясь контролю государственной власти; всѣ интересы и всѣ классы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, предоставлены самимъ себѣ; тамъ впервые подверглось нападеніямъ ученіе о вѣщательствѣ, называемомъ покровительственной системой; тамъ только и была уничтожена эта система, — однимъ словомъ, въ одной Англіи умѣли изъ-

объгнуть тѣхъ опасныхъ крайностей, до которыхъ доводить вмѣшательство, вслѣдствіе чего и деспотизмъ, и возстанія тамъ одинаково рѣдки; а какъ притомъ признана основаніемъ политики система уступокъ, то *ходъ народнаго прогресса въ Англіи наименѣе былъ нарушаемъ могуществомъ привилегированныхъ сословій, вліяніемъ особыхъ сектъ или насильственными дѣйствіями самовластныхъ правителей.*

Что таковы характеристическія черты исторіи Англіи—это не подлежитъ сомнѣнію: для нѣкоторыхъ это составляетъ источникъ похвалы, а для другихъ—сожалѣнія. Если же къ этимъ обстоятельствамъ присовокупить то, что Англія, по своему положенію, отдѣльному отъ материка, до половины прошлаго вѣка была рѣдко посѣщаемъ иностранцами, то становится очевиднымъ, что мы въ ходѣ нашего народнаго прогресса менѣе всѣхъ другихъ націй подвергались дѣйствію двухъ главныхъ источниковъ вмѣшательства: фанатизма и вліянія иностранцевъ.

Что же такое «Исторія Цивилизаціи въ Англіи»,—этотъ трудъ, популярный еще и теперь, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ своего появленія, и притомъ такой, которому я покрайней мѣрѣ не затрудняюсь предсказать новое славное возрожденіе, какъ только отхлынетъ эта волна мистицизма, символизма, чуть ли не шаманизма, разлившаяся теперь по Европѣ? Разумѣется, полной оцѣнки книги Бокля я здѣсь дать не могу; мнѣ придется ограничиться лишь общими идеями и общими замѣчаніями.

Полагаю, что первая и быть можетъ главнѣйшая заслуга Бокля заключается въ томъ, что онъ ввелъ въ средѣ историческаго изслѣдованія данныя *статистики и политической экономіи* и собственнымъ своимъ примѣромъ показалъ, какъ расширяется кругозоръ историка, разъ онъ основательно изучитъ эти двѣ науки.

Статистика собственно послужила Боклю для доказательства философскаго положенія о несвободѣ человѣческой и о правильности человѣческихъ поступковъ. Прочтя лишь одно заглавіе такихъ параграфовъ, какъ «дѣла человѣческія порождаются предшествующими явленіями въ человѣческомъ духѣ или во внѣшней природѣ»,—«Статистика доказала правильность человѣческихъ дѣйствій на убійствахъ и другихъ преступленіяхъ»,—«Подобное же доказательство на самоубійствахъ»,—«Доказательство этой правильности на числѣ браковъ, ежегодно совершаемыхъ»,—«Доказательство ея на числѣ писемъ съ невыставленнымъ на нихъ адресомъ»,—легко уже понять цѣль, къ которой стремится Бокль. Ему прежде всего надо заполнить пропасть между естествознаніемъ и исторіей, опровергнуть мысль, будто въ дѣлахъ человѣческихъ

есть нѣчто таинственное и предустановленное, что дѣлаетъ ихъ недоступными для нашего изслѣдованія и навсегда заслоняетъ отъ насъ ихъ дальнѣйшій ходъ; надо словомъ отвѣтить на вопросъ: «управляются ли дѣйствія людей, а слѣдовательно и общество неизмѣнными законами, или же они составляютъ результатъ случая и сверхъестественнаго вмѣшательства? Опираясь на выводы статистики, Бокль безъ всякаго колебанія утверждаетъ, что «нравственныя дѣйствія людей суть не результатъ воли, а продукты предшествующихъ обстоятельствъ».

Выводъ этотъ можетъ показаться страннымъ. Когда я беру шляпу и отправляюсь гулять, или сажусь за работу, или ѣду въ церковь вѣнчаться, — мнѣ даже не приходитъ въ голову мысль о томъ, что мой поступокъ является результатомъ дѣйствія извѣстныхъ непреложныхъ законовъ. Сознанія того, что *я хочу* и поступаю такъ, а не иначе, именно потому что хочу поступить такъ, а не иначе — слишкомъ сильно во мнѣ, слишкомъ для меня очевидно, чтобы сразу же отказаться отъ него и представить себя марионеткой, которую дергаютъ за ниточку «законы» и «общія причины», а она прыгаетъ, скачетъ, падаетъ, бѣгаетъ. Бокль испугался такого вывода. По его мнѣнью, «дѣйствія отдѣльныхъ лицъ въ значительной степени подлежатъ вліянію ихъ нравственныхъ чувствъ и страстей».

«Но — продолжаетъ онъ — чувства и страсти эти, приходя въ столкновеніе съ чувствами и страстями другихъ лицъ, уравниваются этими послѣдними такъ, что въ общемъ ходъ человѣческихъ дѣйствій вліянія ихъ вовсе не видно; и совокупность дѣйствій рода человѣческаго, рассматриваемыхъ какъ одно цѣлое, зависитъ единственно отъ суммъ знаній, которою люди обладаютъ. А какимъ именно образомъ поглощаются и нейтрализуются личное чувство и личная прихоть, — этому мы находимъ полное объясненіе въ приведенныхъ выше фактахъ изъ исторіи преступленій. Факты эти рѣшительно доказываютъ, что въ итогѣ преступленій, совершаемыхъ въ той или другой странѣ годъ за годомъ повторяется одна и та же цифра съ самымъ изумительнымъ однообразіемъ, нисколько притомъ не подчиняясь вліянію прихоти и личныхъ чувствъ, которыми слишкомъ часто хотятъ объяснить человѣческія дѣйствія. Но еслибы мы вмѣсто того, чтобы рассматривать исторію преступленій по годамъ, раздѣлили ее по мѣсяцамъ, то нашли бы гораздо меньше правильности; еслибы наконецъ рассмотрѣли эту исторію по часамъ, то правильность совсѣмъ бы исчезла; точно также ея не было бы видно и въ томъ случаѣ, еслибы, вмѣсто уголовной лѣтописи цѣлой страны, мы знали только лѣтопись одной улицы или одного семейства. Это происходитъ оттого, что великіе общественные законы, которыми управляется преступленіе, могутъ быть

замѣчены лишь при наблюденіи надъ большимъ числомъ людей или долгимъ періодомъ времени, но въ меньшемъ числѣ лицъ и въ короткое время индивидуальное нравственное начало беретъ верхъ и нарушаетъ порядокъ дѣйствія общаго умственного закона. Слѣдовательно, нравственные чувства, побуждающія человѣка совершить преступленіе или воздержаться отъ него, имѣютъ огромное вліяніе на итогъ личныхъ преступленій этого человѣка, но не имѣютъ никакого значенія относительно общаго итога преступленій, совершаемыхъ въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ, такъ какъ они съ теченіемъ времени непремѣнно нейтрализуются противоположными имъ нравственными чувствами, вызывающими въ другихъ людяхъ противоположный образъ дѣйствія. Точно также всѣмъ извѣстно, что почти всѣ наши дѣйствія находятся подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, а между тѣмъ мы можемъ найти неоспоримыя доказательства, что начала эти не производятъ ни малѣйшаго дѣйствія на человѣчество, *взятое въ совокупности*, ни даже вообще на значительныя массы людей; для этого намъ стоитъ только изучать общественныя вліянія за такіе продолжительные періоды времени и въ такихъ большихъ размѣрахъ, въ которыхъ можно было бы различать чистое дѣйствіе главныхъ законовъ».

Итакъ, что же долженъ изучать историкъ, законъ или личность? общія явленія или индивидуальныя? Для Бокля не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, ибо, признавъ статистическія, т. е. массовыя, данныя своимъ руководителемъ, онъ тѣмъ самымъ покончилъ съ «культу́мъ героевъ», — теоріей, въ его время, благодаря громадному вліянію Карлейля, очень модной. «Всемирная исторія, — говоритъ Карлейль въ своемъ «Культѣ героевъ». — есть въ сущности, какъ я понимаю ее, исторія дѣйствующихъ въ мірѣ великихъ людей. Они были руководителями массы — эти великаны, создателями, образцами, творцами всего, что стремилась создать и чего стремилась достигнуть человѣческая толпа. Все, что мы видѣли осуществленнымъ въ этомъ мірѣ, есть собственно внѣшній матеріальный результатъ, осуществленіе и воплощеніе на практикѣ идей, жившихъ въ великихъ людяхъ, ниспосланныхъ міру. Душой всемирной исторіи — по справедливости слѣдуетъ признать это — была ихъ исторія». Въ этомъ взглядѣ, съ установленной точки зрѣнія, вѣрно только одно. При той безсознательности и стихійности, съ которой совершалась до сихъ поръ всегда и вездѣ общественная эволюція, дѣйствительно только личности, оффиціальные и моральные руководители массы, совершали общественныя цѣлесообразныя поступки. Но зато эти *единичныя дѣйствія личностей* всегда *наталкивались на косность массы* и отдѣльные цѣлесообразныя поступки не влекли за собой прочныхъ общественно-цѣлесообразныхъ результатовъ.

Исторія въ такомъ случаѣ является не цѣпью случайныхъ событій, не переплетомъ произвольныхъ поступковъ и неожиданныхъ, ничѣмъ не обусловленныхъ явленій, а взаимодействіемъ природы и человѣка и картиною перемѣнъ, являющихся результатомъ этого взаимодействія. Съ одной стороны у насъ есть духъ человѣческій, который подчиняется законамъ собственнаго существованія и, будучи поставленъ внѣ вліянія постороннихъ силъ, развивается согласно условіямъ своей организаціи. Съ другой стороны мы имѣемъ такъ называемую природу, которая тоже повинуется своимъ законамъ, но безпрестанно приходитъ въ столкновение съ духомъ людей, возбуждаетъ ихъ страсти, подстрекаетъ ихъ умъ и даетъ такимъ образомъ ихъ дѣйствіямъ то направленіе, котораго они не приняли бы безъ этого посторонняго вмѣшательства. «И такъ, мы имѣемъ человѣка, дѣйствующаго на природу, и природу, дѣйствующую на человѣка, а изъ этого взаимодействія проистекаетъ все, чтó случается...»

Опредѣливши почву изслѣдованія — природу и духъ человѣческій, расчистивъ для него поле, т. е. устранивъ теорію свободной воли и признавъ областью исторіи «взаимодействіе», Бокль, удѣливши нѣсколько страницъ теперь бесполезному вопросу, «сильнѣе ли вліяніе физическихъ явленій на мысли и желанія людей, или наоборотъ, переходитъ къ вліянію «законовъ природы на устройство общества и характеръ отдѣльныхъ лицъ» и вслѣдъ за Монтескьё утверждаетъ, что «человѣкъ подвергается вліянію четырехъ естественныхъ дѣятелей: климата, пищи, почвы и общаго вида природы». Но онъ идетъ дальше Монтескьё въ томъ смыслѣ, что обращаетъ главное свое вниманіе не на *духовныя*, а на *экономическія* послѣдствія физическихъ дѣятелей.

Параграфы о «вліяніи этихъ дѣятелей на накопленіе богатствъ и ихъ распредѣленіе очень важны для пониманія теоріи Бокля. «Разсматривая, — говоритъ онъ, — исторію богатства на его первыхъ ступеняхъ, мы находимъ совершенную зависимость его отъ почвы и климата; почвой обусловливается вознагражденіе, получаемое за данную сумму труда, а климатомъ — энергія и постоянство самаго труда». Роль же накопленія богатства въ исторіи цивилизаціи — громадна.

«Въ дикомъ состояніи общества первый важный шагъ впередъ составляетъ накопленіе богатства, ибо безъ богатства не можетъ быть

досуга, а безъ досуга не можетъ быть знанія. Если то, что потребляетъ народъ, всегда совершенно равняется тому, что онъ имѣетъ, то не будетъ остатка, не будетъ накапливаться капиталъ, а слѣдовательно не будетъ средствъ къ существованію для незанятыхъ классовъ. Но когда производство сильнѣе потребленія, то образуется излишекъ, который по извѣстнымъ законамъ самъ собой возрастаетъ и наконецъ становится запасомъ, на счетъ котораго, непосредственно или посредственно, содержится всякій, кто не производитъ того богатства, которымъ живетъ. Только съ этого времени и дѣлается возможнымъ существованіе мыслящаго класса, ибо только съ этого времени начинается накопленіе въ запасъ, съ помощью котораго люди могутъ пользоваться тѣмъ, чего не производили, и получаютъ такимъ образомъ возможность предаться такимъ занятіямъ, для которыхъ прежде, когда они находились подъ гнетомъ ежедневныхъ потребностей, у нихъ не доставало бы времени».

Когда богатства созданы, возникаетъ вопросъ объ ихъ распредѣленіи, т. е. о томъ, въ какой пропорціи они достаются низшимъ и высшимъ классамъ. По мнѣнію Бокля:

«На первыхъ ступеняхъ общежитія и прежде, чѣмъ начнутся его позднѣйшія утонченныя запутанности, можно, мнѣ кажется, доказать, что распредѣленіе богатства такъ же, какъ и его производство, подчиняются исключительно физическимъ законамъ, и что притомъ сила дѣйствія этихъ законовъ такъ велика, что они постоянно удерживали огромное большинство жителей самой лучшей части земного шара въ состояніи всегдашней, безысходной бѣдности. Если можно доказать это, то огромная важность такихъ законовъ очевидна. Такъ какъ богатство есть несомнѣнный источникъ силы, то ясно, что, при равенствѣ другихъ условій, *изслѣдованіе распредѣленія богатства есть изслѣдованіе распредѣленія силы*, а при такомъ значеніи этого изслѣдованія оно должно пролить значительный свѣтъ на происхожденіе тѣхъ общественныхъ и политическихъ неравенствъ, изъ дѣйствія и противодѣйствія которыхъ слагается значительная часть исторіи всякой цивилизованной страны.

Бросивъ общій взглядъ на этотъ предметъ, мы можемъ сказать, что съ того времени, какъ начинается наконецъ настоящее производство и накопленіе богатства, это послѣднее распредѣляется между двумя классами, — между трудящимися и нетрудящимися, изъ коихъ послѣдніе, въ совокупности взятые, способны, а первые многочисленнѣе. Запасъ, на счетъ котораго одержатся оба класса, непосредственно производится низшимъ классомъ, физическія силы котораго направляетъ, совокупляетъ и какъ бы сберегаетъ большее умѣнье высшаго класса. Вознагражденіе работниковъ называется ихъ задѣльной платой, а вознагражденіе предпринимателей — ихъ прибылью. Въ позднѣйшее время возникаетъ классъ, который можно назвать сберегающимъ; это классъ людей, которые, не будучи ни предпринимателями, ни работниками, ссужаютъ своими сбереженіями предпринимателей и въ возмездіе за такую ссуду получаютъ часть вознагражденія, достигающагося предпринимающему классу. Въ этомъ случаѣ члены

сберегающаго класса вознаграждаются за воздержаніе отъ растраты своихъ сбереженій, и вознагражденіе это называется процентомъ на ихъ деньги; такимъ образомъ являются три подраздѣленія богатства: процентъ, прибыль и задѣльная плата».

Вліяніе физическихъ дѣятелей на размѣръ задѣльной платы особенно ясно. Вопросъ о заработной платѣ есть въ сущности вопросъ о народонаселеніи, такъ какъ часть, получаемая каждымъ работникомъ, должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается число тѣхъ, которые заявляютъ на нее притязаніе. Приростъ-же населенія зависитъ отъ обилія пищи, т. е. отъ законовъ климата.

Бокль въ своихъ разсужденіяхъ несомнѣнно стоитъ на высотѣ политико-экономическихъ свѣдѣній 50-хъ годовъ. вмѣстѣ съ Мальтусомъ онъ признаетъ, что народонаселеніе возрастаетъ быстро, чѣмъ средства производства, откуда—роковая необходимость періодическихъ голодовокъ; вмѣстѣ съ Рикардо и Миллемъ онъ допускаетъ существованіе общаго факта заработной платы, откуда каждый рабочій получаетъ свою частицу; вмѣстѣ съ буржуазными экономистами онъ объясняетъ процентъ тѣмъ, что члены сберегающаго класса вознаграждаются за воздержаніе отъ растраты своихъ сбереженій.

Важны однако не экономическія воззрѣнія Бокля, давно уже похороненныя на обширномъ кладбищѣ буржуазныхъ теорій, вожделѣній и великодушныхъ попытокъ оправдать даже съ высокаго нравственной точки зрѣнія рѣзаніе купоновъ, — важно, что онъ одинъ изъ первыхъ философовъ исторіи понялъ, какую роль можетъ сослужить политическая экономія и изслѣдованіе экономическихъ явленій для пониманія исторіи. Вѣдь громадное умственное движеніе «реабилитаціи плоти», начавшееся еще въ XIV столѣтіи, — движеніе, признавшее законность земного счастья, прогрессивную силу земныхъ наслажденій, оставалось безъ прочнаго фундамента, пока не перестали относиться съ презрѣніемъ къ потребности человѣка ѣсть и одѣваться, пока не поняли, что эта потребность основная.

Историческое вліяніе низкой заработной платы Бокль краснорѣчиво и даже художественно объясняетъ на примѣрахъ Индіи и Египта.

«Отъ особенностей климата и пищи, — говоритъ Бокль, — произошло въ Индіи то неравномѣрное распредѣленіе богатства, которое всегда

должно оказаться въ странахъ, гдѣ рынокъ труда бываетъ постоянно переполненъ. Просматривая самыя раннія изъ сохранившихся свѣдѣній объ Индіи, — свѣдѣніямъ этимъ отъ двухъ до трехъ тысячъ лѣтъ, — мы находимъ слѣды порядка вещей, подобнаго существующему въ настоящее время, — порядка, который — мы можемъ быть въ этомъ увѣрены — всегда существовалъ, съ самаго того времени, какъ началось настоящее накопленіе богатства. Мы находимъ, что высшіе классы непомѣрно богаты, а низшіе жалко бѣдны; находимъ, что тѣ, чьимъ трудомъ производится богатство, получаютъ возможно меньшую долю его, остальная же часть поглощается высшими классами въ видѣ ренты или въ видѣ прибыли. *А такъ какъ богатство составляетъ послѣ ужь самый постоянный источникъ силы*, то естественнымъ образомъ такое неравномѣрное распредѣленіе богатства сопровождалось столь же неравномѣрнымъ распредѣленіемъ общественнаго и политическаго вліянія. Неудивительно послѣ этого, что въ Индіи съ самыхъ раннихъ временъ, къ какимъ восходятъ наши свѣдѣнія о ней, огромное большинство народа, угнетенное жесточайшею бѣдностью и перебивающееся, такъ сказать, со дня на день, всегда оставалось въ состояніи безсмысленнаго униженія, изнемогая подъ бременемъ непрерывныхъ не, счастій, пресмыкаясь въ гнусной покорности передъ сильнымъ и проявляя способность только къ тому, чтобы или самими быть рабами — или служить на войнѣ орудіемъ поработенія другихъ».

И дальше.

«Въ Индіи рабство, низкое, вѣчное рабство было естественнымъ состояніемъ значительнаго большинства народа; на это состояніе онъ обреченъ былъ физическими законами, рѣшительно не допускавшими сопротивленія. И въ самомъ дѣлѣ, сила этихъ законовъ такъ непреодолима, что вездѣ, гдѣ только проявилось ихъ дѣйствіе, они держали производительные классы въ постоянномъ подчиненіи. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы въ какой-нибудь тропической странѣ, при значительномъ накопленіи богатства, народъ избѣгнулъ такой судьбы; нѣтъ примѣра, чтобы вслѣдствіе жаркаго климата не оказалось избытка пищи, а вслѣдствіе избытка пищи — неравномѣрнаго распредѣленія сперва богатства, а за нимъ — и политическаго, и общественнаго вліянія. Въ націяхъ, подчиненныхъ этимъ условіямъ, народъ считался ничѣмъ; онъ не имѣлъ никакого голоса въ государственномъ управленіи, никакого контроля надъ богатствомъ, плодомъ его же трудолюбія. Единственнымъ дѣломъ его было трудиться, единственной обязанностью — повиноваться. Вотъ гдѣ начало того расположенія къ тихой, раболѣпной покорности, которое, какъ мы знаемъ изъ исторіи, было всегда отличительной чертой такихъ народовъ. Тотъ несомнѣнный фактъ, что лѣтописи этихъ народовъ не представляютъ намъ ни одного примѣра возстанія противъ правителей, ни одной борьбы сословій, ни одного народнаго возстанія, ни даже значительнаго народнаго заговора. Въ этихъ богатыхъ и плодородныхъ странахъ много было перемѣнъ, но всѣ онѣ начинались сверху, а не снизу. Демократическаго элемента въ нихъ рѣшительно не доставало. Было множество войнъ царей, войнъ династій, были перевороты въ правительствахъ, пере-

вороты во дворцѣ, перевороты на тронѣ, но ихъ вовсе не было въ народѣ; не было никакого облегченія той тяжелой доли, которую онъ терпѣлъ скорѣе отъ природы, чѣмъ отъ человѣка».

Повторяю, въ такомъ громкомъ признаніи важности экономическаго фактора для пониманія историческихъ явленій и заключается серьезная заслуга Бокля. Онъ видѣлъ, что политическая экономія дастъ основаніе для связи законовъ физическихъ явленій съ законами неравнаго распредѣленія богатствъ, а отсюда и общественныхъ неурядицъ.

Но отсюда до экономическаго матеріализма, до признанія за экономическими явленіями первенствующей роли въ исторіи—еще очень далеко. Бокль—англичанинъ и человѣкъ третьяго сословія, органически примыкавшій къ нему по складу своего ума, своими убѣжденіямъ, идеаламъ,—словомъ, радикаль въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—изъ типа тѣхъ, кто редактировалъ декларацію правъ, билль о реформѣ, уничтоженіе акта о неправоиспособности католиковъ, евреевъ,—наконецъ свободный мыслитель—уже по самому существу своей натуры не могъ утвердиться на экономической точкѣ зрѣнія. Въсто борьбы классовъ и неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, Бокль сдѣлалъ центромъ своего изслѣдованія исторію умственнаго развитія. Для него несомнѣнно, что движеніе цивилизаціи опредѣляется умственнымъ дѣятелемъ, что ему человѣчество обязано вѣротерпимостью и ослабленіемъ воинственнаго духа, что вообще *вся измѣненія, происходящія въ жизни образованнаго народа, зависятъ только отъ трехъ условій: во-первыхъ отъ количества знаній, которымъ владѣютъ люди, наиболее развитые; во-вторыхъ отъ направленія, принятаго этими знаніями, то есть отъ того, какой разрядъ предметовъ они обнимаютъ; въ-третьихъ отъ объема и распространенности этихъ знаній и отъ свободы, съ которой они проникаютъ во все классы общества.*

Совершенно естественно поэтому, если исканіе законовъ исторіи подымается у Бокля исканіемъ законовъ умственнаго развитія.

Къ такому ограниченію Бокль подошелъ вполне сознательно. Сначала онъ доказалъ, что духовные законы важнѣе для исторіи Европы (а значитъ и цивилизаціи), чѣмъ законы физическіе. Оставалось сдѣлать другой шагъ и показать, что изъ двухъ разрядовъ духовныхъ законовъ—нравственныхъ и умственныхъ—первые играютъ подчиненную роль, роль

историческихъ статистовъ, а не двигателей. Этому посвящена знаменитая IV-я глава 1-й части 1-го тома, — глава, вызвавшая противъ Бокля такую ожесточенную бурю со стороны европейскихъ ханжей.

«Возникаетъ — говоритъ Бокль — важный вопросъ: который изъ двухъ элементовъ духовнаго развитія важнѣе? Если движеніе цивилизаціи и вообще благосостояніе рода человѣческаго зависитъ болѣе отъ нравственныхъ чувствъ, чѣмъ отъ умственныхъ, то мы естественно должны этими чувствами измѣрять движеніе цивилизаціи, но если, наоборотъ, оно зависитъ главнымъ образомъ отъ нашихъ знаній, то мы должны принять за мѣрило объемъ и успѣхъ умственной дѣятельности».

Для Бокля несомнѣнно, что нравственныя истины не могутъ вліять на движенія цивилизаціи, такъ какъ сами онѣ неподвижны.

«Приложивъ — говоритъ онъ — извѣстный намъ признакъ къ нравственнымъ побужденіямъ или указаніямъ такъ называемаго нравственнаго инстинкта, мы сейчасъ увидимъ, до какой степени слабо вліяніе, оказанное этими побужденіями на успѣхи цивилизаціи. Неоспоримо, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы. Дѣлать добро другимъ, жертвовать для пользы ихъ своими собственными желаніями, любить ближняго какъ самого себя, прощать врагамъ, обуздывать свои страсти, чтить родителей, уважать тѣхъ, которые поставлены надъ нами — въ этихъ правилахъ и въ нѣсколькихъ другихъ заключается вся сущность нравственности, и къ нимъ не прибавили ни одной іоты всѣ проповѣди. всѣ наставленія и собранія текстовъ, составленныя моралистами и богословами

Но если мы сравнимъ это неподвижное состояніе нравственныхъ истинъ съ быстрымъ движеніемъ впередъ истинъ умственныхъ, то найдемъ самую разительную противоположность. Всѣ великія нравственныя системы, имѣвшія большое вліяніе на человѣчество, представляли въ сущности одно и то же. Въ ряду правилъ, опредѣляющихъ нашъ нравственный образъ дѣйствія, самыя просвѣщенные европейцы не знаютъ ни одного такого, которое бы не было также извѣстно древнимъ. Что же касается до дѣятельности нашего ума, то люди позднѣйшихъ временъ не только сдѣлали значительныя пріобрѣтенія по всѣмъ отраслямъ знанія, какія пытались изучать въ древности, но и совершили рѣшительный переворотъ въ старыхъ методахъ изслѣдованія: они соединили въ одну обширную систему всѣ тѣ средства наведенія, о которыхъ только смутно помышлялъ Аристотель, и создали такія науки, о которыхъ и самый смѣлый мыслитель древности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія».

Отсюда ясенъ выводъ. «Если цивилизація есть произведеніе умственныхъ и нравственныхъ факторовъ, и если это произведеніе подвержено непрерывнымъ измѣненіямъ, то очевидно, что

характеръ его опредѣляется не неизмѣннымъ факторомъ: потому что въ неизмѣняющейся обстановкѣ неизмѣнный факторъ можетъ производить только неизмѣнное дѣйствіе. Измѣняется же одинъ умственный факторъ, который и есть поэтому *истинный* двигатель цивилизаціи».

Легко видѣть, какъ Бокль незамѣтно для самого себя съ положительной точки зрѣнія перешелъ на метафизическую. Есть ли въ дѣйствительности неизмѣнные факторы? Могутъ ли быть такіе? Все относительно; «все течетъ, все измѣняется, ничто не остается неизмѣннымъ»,—сказалъ еще Гераклитъ, а Бокль quasi научно доказываетъ неизмѣнность нравственныхъ чувствъ и понятій. Достаточно сравнить нравственность курицы и человѣка, канибала и Парнелля, чтобы заподозрѣть справедливость вывода Бокля. Онъ правъ лишь въ томъ отношеніи, что нравственная эволюція менѣе замѣтна, чѣмъ умственная. Умственная то и дѣло претерпѣваетъ измѣненія, какъ бы отъ дѣйствія вулкановъ, нравственная же не отличается слишкомъ рѣзкими и энергичными переворотами. Ее можно сравнить съ рядомъ измѣненій, производимыхъ на поверхность земли водой: Амазонкѣ напр. потребовались вѣка и даже тысячелѣтія, чтобы образовать острова въ своемъ устьѣ.

Но самое заблужденіе Бокля въ высокой степени характерно. На самомъ дѣлѣ раціонализмъ XVIII-го вѣка, безусловная вѣра въ могущество разума нашли свое завершеніе въ его книгѣ. Онъ—философъ исторіи, субъективная сторона взглядовъ котораго безраздѣльно принадлежитъ третьему сословію. Вѣдь съ выступленіемъ этого послѣдняго на историческую сцену взгляды на нравственность радикально измѣнились. Духовенство искало опору для нихъ въ религіи, рыцарство—въ чувствѣ чести, буржуазія—въ разсчетѣ. Явилась теорія просвѣщеннаго эгоизма, по которой человѣкъ совершаетъ доброе во имя личной своей выгоды. Но для этого нуженъ разсчетъ и разсчетъ, и чѣмъ больше разсчета, то есть дѣятельности разсудка,—тѣмъ лучше.

То-же говоритъ и Бокль, сводя всю исторію цивилизаціи къ исторіи умственного развитія, а законы исторіи—къ законамъ умственного развитія, сравнительно съ которымъ эволюція экономическая и нравственная играютъ второстепенную роль.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что всю свою философію исторіи Бокль сводитъ въ концѣ концовъ къ четыремъ основнымъ положеніямъ:

1-ое — то, что прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ которымъ разрабатываются законы явленій, и отъ мѣры распространенія знанія этихъ законовъ;

2-ое, что подобной разработкѣ долженъ всегда предшествовать духъ скептицизма, сначала помогающій изслѣдованію, а послѣ въ свою очередь развиваемый имъ;

3-ье, что открытія, дѣлаемые такимъ образомъ, усиливаютъ вліяніе умственныхъ истинъ и — относительно, хотя и не вполне — ослабляютъ дѣйствіе нравственныхъ, потому что нравственнымъ истинамъ болѣе свойственно состояніе застоя и онѣ гораздо слабѣе развиваются, чѣмъ умственные;

4-ое, что задержка этого движенія, а слѣдовательно и цивилизаціи есть духъ излишней опеки. Этимъ Бокль хочетъ сказать, что общество не можетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока жизнь его находится почти во всѣхъ отношеніяхъ подъ чрезмѣрнымъ контролемъ.

Не стану распространяться о томъ, съ какимъ блестящимъ остроуміемъ, какой поразительной силой краснорѣчія и какимъ грандіознымъ запасомъ свѣдѣній, а подчасъ съ какимъ поистинѣ художественнымъ талантомъ Бокль доказываетъ свои «основныя положенія». На судъ исторіи онъ вызываетъ всѣ страны и всѣ народы; онъ не пренебрегаетъ ни Египтомъ, ни Центральной Америкой, ни Россіей, чтобы сдѣлать свою аргументацію полной и всесторонней. Онъ всегда на-сторожѣ, всегда во всеоружіи критики, всегда по возможности безпристрастенъ.

Я говорю: «по возможности». Какъ ни благородна и ни высока мечта сдѣлать изъ исторіи строгую науку и отдѣлъ естествознанія, — пока это лишь мечта — не больше. Въ самыхъ абстрактныхъ, отвлеченнѣйшихъ выводахъ проявляется личность ихъ творца, его темпераментъ, общественное положеніе, національность. Каждый изъ этихъ могущественныхъ факторовъ кладетъ печать на выводы и формулы.

Возьмите напр. 4-й законъ Бокля, который онъ доказалъ съ особеннымъ блескомъ и тщательностью, посвятивъ этому доказательству всю вторую часть 1-го тома. Законъ гласитъ: *«задержка цивилизаціи есть духъ излишней опеки»*. Стоитъ только вдуматься въ него, чтобы угадать національность Бокля, и мы прямо-бы сказали, что онъ — англичанинъ, еслибы даже не знали этого. Въ англійскомъ законодательствѣ, политическомъ строѣ, нравственномъ міровоззрѣніи частичка self (само-) играетъ роль большую и

даже первенствующую. Self-help—самопомощь, self-reliance—самоопора, self-governement—самоуправление, self-activity—самодѣтельность—вотъ четыре опоры міросозерцанія всякаго правовѣрнаго англичанина. Отрицая опеку и централизацію, рисуя яркими красками ихъ вредъ, Бокль тѣмъ самымъ проповѣдуетъ самодѣтельность и самоуправленіе.

Бокль такъ увлекается своимъ англиканскимъ правовѣріемъ, что въ лучшихъ своихъ главахъ, именно во всей II-й части 1-го тома, забываетъ свое же положеніе о ничтожномъ вліяніи правителей и обрушивается съ жестокими обвиненіями на Людовика XIV и его преемниковъ. «Умственный упадокъ — говоритъ онъ — проявлялся при Людовикѣ XIV во всѣхъ областяхъ мысли и былъ естественнымъ слѣдствіемъ покровительства», т. е. дѣятельности Кольбера и самого короля. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще яснѣе и рѣшительнѣе: «разсмотрѣвъ положеніе Франціи тотчасъ по смерти Людовика XIV, мы видѣли, что когда его политика привела страну къ краю гибели и уничтожила всякую тѣнь свободнаго изслѣдованія, — реакція сдѣлалась необходимою». Слишкомъ много чести дѣлаетъ Бокль въ этихъ строкахъ и Людовику XIV, и его политикѣ; мало того, онъ совершенно забываетъ предостереженіе, высказанное имъ же самимъ, своимъ собратьямъ-историкамъ.

Эти-то субъективные элементы мышленія Бокля, его правовѣрный англианизмъ, его буржуазное свободомысліе, которое сводитъ задачу цивилизаціи къ эмансипаціи ума, мысли, а не цѣльнаго человѣка съ его потребностью ѣсть, одѣваться, любить и быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, — заставляють насъ видѣть въ законахъ Бокля очень остроумныя формулы, относительно справедливыя, но недостаточно широкія. Думаю однако, что его заслуги не мало не становятся меньше отъ этого. Онъ былъ передовымъ человекомъ своего времени и шелъ по вѣрной дорогѣ. Не его вина, что въ его время напр. антропология почти не существовала, почему онъ и игнорируетъ расовой элементъ въ эволюціи жизни отдѣльныхъ народностей; одинаково не его вина, что торжествующей общепризнанной политической экономіей была та, которую создали геніи третьяго сословія. Адамъ Смитъ былъ несомнѣнно великимъ мыслителемъ, но это нисколько не мѣшало ему восторгаться тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря раздѣленію труда, рабочій выдѣлываетъ въ день чуть не милліонъ булавочныхъ головокъ, «совсѣмъ какъ машина!»...

Но, повторяю, Бокль шелъ по вѣрной дорогѣ. Съ его методомъ, его приемами можно достигнуть того, что исторія на самомъ дѣлѣ станетъ наукой. Онъ самъ сказалъ въ свое оправданіе прекрасныя слова, которыя намъ остается лишь повторить:

«Предоставляю компетентнымъ судьямъ рѣшить вопросъ, сдѣлалъ ли я что нибудь истинно важное. Но по крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что какія бы несовершенства ни замѣтили у меня, ихъ *следуетъ приписать не предлагаемому методу*, а крайней трудности привести одному человѣку всѣ части столь обширнаго плана въ полное дѣйствіе. Только въ этомъ и въ этомъ одномъ я нуждаюсь въ большомъ снисхожденіи. Что касается до плана, то я за него вовсе не боюсь: и глубоко убѣжденъ, что наступаетъ время, когда исторія человѣчества станетъ на надлежащую почву, когда изученіе ея будетъ признано самымъ высокимъ и самымъ труднымъ дѣломъ. Когда это будетъ вполне сознано, исторію станутъ писать только тѣ, кто по складу ума своего способенъ къ этому занятію, и она будетъ исторгнута изъ рукъ біографовъ, генеалоговъ, собирателей анекдотовъ, лѣтописцевъ о дворахъ, государяхъ и аристократахъ,—изъ рукъ вздорныхъ рассказчиковъ, которые прячутся за каждымъ угломъ и дѣлаютъ опасную большую дорогу нашей литературы. Что подобные компиляторы переходятъ въ область, далеко превышающую ихъ силы, и думаютъ, что такими средствами можно пролить свѣтъ на дѣла людей.—вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, въ какомъ отсталомъ состояніи находятся наши знанія и какъ смутно обозначены ихъ надлежащіе предѣлы. Если мнѣ удалось хоть сколько нибудь уничтожить довѣріе къ подобнымъ трудамъ и внушить историкамъ сознаніе достоинства ихъ занятія, то я уже оказалъ хотя и не большую—услугу своему времени и я останусь вполне доволенъ этимъ, хотя мнѣ и указали, что во многихъ случаяхъ мнѣ и не удалось выполнить первоначальный планъ. Охотно соглашаюсь, что въ этомъ томѣ есть много случаевъ подобной неудачи, но въ оправданіе свое я могу указать на громадность предмета, краткость нашей жизни и несовершенства каждаго дѣла отдѣльнаго человѣка. Я желаю, чтобы этотъ трудъ судился не по законченности отдѣльных его частей, а *по тому способу, той идее, которыми эти части слиты въ полное и симметричное цѣлое*...

Sibi justus justissimus ¹⁾, прибавимъ мы отъ себя.

IV.

Бокль въ обществѣ.

Въ 1860 г. умерла мать Бокля—dear Janny, какъ онъ ее звалъ всегда, умерла послѣ долгой мучительной болѣзни, длившейся цѣлые годы. Ея послѣдній взглядъ былъ обращенъ на сына

¹⁾ Справедливый къ самому себѣ—наисправедливѣйшій.

и его книгу, которая постоянно лежала рядомъ съ ней на ночномъ столикѣ, заставленномъ рядами сткланокъ съ лекарствами. Бокль не вынесъ ея агоніи, онъ бросился въ свой кабинетъ и здѣсь съ глазами, полными отъ слезъ, въ нервномъ болѣзненномъ возбужденіи написалъ горячую страницу въ защиту безсмертія души. Онъ какъ бы вспомнилъ въ эту минуту всѣ доказательства знаменитаго автора «Подражанія Христу» и выводилъ безсмертіе изъ страстной потребности видѣть любимое существо за гробомъ, изъ невозможности такого безмѣрно-жестокаго удѣла, какъ вѣчная разлука. Эта написанная имъ страница—своеобразная пѣснь человѣческаго горя и измученнаго сердца, стонъ отчаянія, когда гордый разумъ отказывается отъ своей гордости и съ дѣтской беспомощностью бросается на колѣна передъ роковой тайной мірозданія и въ блескѣ звѣздъ, молчаніи неба ищетъ уловить откликъ своихъ страстей, своихъ желаній... Но—

Катаются волны съ ихъ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несется и тучи несетъ,
Звѣзды мерцаютъ въ сіяньи безстрастномъ,
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ.

Прошла минута безумія, и Бокль снова ушелъ въ свою работу, забывая въ творчествѣ свое горе и свою слабость. Послѣ смерти матери—его единственнаго лучшаго друга всей жизни, онъ остался совершенно одинокимъ. Некому уже было перечитывать страницы своей рукописи по мѣрѣ ихъ созданія, некому было повѣрять свои грандіозные замыслы—все еще грандіозные, несмотря на ограниченія,—отъ которыхъ тревожно и сладко вмѣстѣ съ тѣмъ замирало сердце.

II-ой томъ его «Введенія» сдѣлалъ его имя еще болѣе популярнымъ. Письма то восторженныя, то бранныя летѣли къ нему со всѣхъ концовъ Европы, иногда отъ людей совершенно необразованныхъ, которые «осмѣливались сердечно потрясти руку, написавшую «Исторію Цивилизаціи». Нѣкій русскій путешественникъ (a gentleman russe), интересный для насъ исключительно какъ соотечественникъ, навѣстилъ Бокля и сообщилъ ему, что русская молодежь запоемъ читаетъ его книгу и видитъ въ ней откровеніе (a revelation)... Даже испанцы перевели «Исторію» на свой языкъ...

Только критика продолжала будировать. Она раздражала Бокля, постоянно и неделикатно говоря ему, что начатаго имъ дѣла онъ не закончитъ никогда, что его невозможно кончить. Эта мысль

о невозможности преслѣдовала его самого, но онъ старался приободрить себя, говоря: «они (гг. критики) не знаютъ, сколько матеріала собрано мною. На каждый новый томъ введенія мнѣ надо лишь по два года. Будетъ еще 10—12 томовъ. Неужели-же я не проживу 20—25-ти лѣтъ»...

Но послѣднія страницы II-го тома оказались лучшими, послѣдними страницами его сочиненія. Въ нихъ даетъ онъ намъ свое завѣщаніе.

«Дѣтская и безграничная вѣра,—говоритъ онъ,—съ которою нѣкогда принималось ученіе о вѣншательствѣ, смѣнилось теперь холоднымъ и безжизненнымъ признаніемъ его, нисколько не похожимъ на внтузіазмъ прежнихъ временъ. Скоро и это исчезнетъ и люди перестанутъ тревожиться призраками, созданными ихъ же собственнымъ невѣжествомъ. Нашъ вѣкъ быть можетъ не увидитъ этого освобожденія, но какъ вѣрно то, что умъ человѣческій идетъ впередъ, такъ-же вѣрно и то, что наступитъ для него годъ освобожденія. Быть можетъ онъ придетъ скорѣе, чѣмъ кто-либо думаетъ, ибо мы идемъ впередъ скоро и большими шагами. Знаменья времени всюду вокругъ насъ, и кто хочетъ читать—да читаетъ. Письмена горятъ на стѣнѣ; приговоръ произнесенъ, древнее царство суетврія должно пастъ, владычество призраковъ, уже распадающееся, должно рухнуть и разсыпаться прахомъ; новая жизнь вдохнется въ нестройную хаотическую массу и ясно покажетъ, что отъ начала созданія ни въ чемъ не было противорѣчія, разлада, безпорядковъ, перерывовъ, вѣншательства,—но что все совершающееся вокругъ насъ, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ матеріальной вселенной, представляетъ только различныя части единого цѣлаго, которое все проникнуто единымъ великимъ началомъ всеобщей и неуклонной правильности.»

Смирненіе передъ истиной, жажда овладѣть ею, вѣра въ ея побѣдоносное пришествіе, ея торжество, ея благо—вотъ смыслъ этихъ строкъ, вотъ завѣщаніе Бокля.

* * *

Воспоминанія мистрисъ Гедъ хорошо рисуютъ намъ Бокля въ обществѣ, почему и переходимъ къ нимъ:

«Мы—я и мужъ—познакомились съ Боклемъ въ 1857 г. Еще задолго до этого намъ восторженно говорилъ о немъ мистеръ Капель, его другъ, сообщившій между прочимъ, что Бокль пишетъ «Исторію Цивилизаціи». Мистеръ Капель никогда не бралъ ни одной книги изъ нашей бібліотеки, не посовѣтовавшись съ Боклемъ, стоитъ ли читать ее. Когда я хвалила какого-нибудь автора, мистеръ Капель неуклонно замѣчалъ, что моя похвала преувеличена, такъ какъ мистеръ Бокль находитъ въ авторѣ такіе-то и такіе недостатки. «Не пожелаетъ ли мистеръ Гезъ познакомиться съ мистеромъ Боклемъ?»—спросилъ однажды Капель. Мистеръ Гезъ

скромно отклонилъ предложеніе, увѣряя, что скромность не позволяетъ ему отнимать время у джентльмена, въ библіотекѣ котораго 22.000 книгъ, имъ прочитанныхъ и проштудированныхъ. Я очень обрадовалась отказу мужа, такъ какъ положительно ненавиждѣла этого ужаснаго «мистера Бокля», чье имя въ устахъ мистера Капелья являлось какъ бы нарочно для того, чтобы противорѣчить мнѣ. Бокль знаетъ все — это я слышала много разъ и не безъ злорадства спрашивала, что-же онъ сдѣлалъ? Поэтому мы были сильно удивлены, когда однажды вечеромъ мистеръ Капель сказалъ намъ: «я передалъ моему другу Боклю ваше желаніе познакомиться съ нимъ. Онъ радъ видѣть васъ, если вы сдѣлаете честь навѣстить его». Нечего дѣлать; мой мужъ отправился на Oxford Terrace № 59 и, не заставъ Бокля дома, оставилъ свою карточку. Прошло нѣсколько дней, и какъ-то утромъ мистеръ Капель снова является къ намъ сильно возбужденный. «Будете ли вы сегодня дома часовъ въ шесть? — спросилъ онъ и прибавилъ торжественно: — «я приду къ вамъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ Боклемъ». Согласно этому обѣщанію я увидѣла «всезнающаго». Въ первое свиданіе разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ на вопросахъ воспитанія и Бокль сильно нападалъ на систему обученія иностраннымъ языкамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы грамматика была отодвинута на задній планъ. Желая меня зарекомендовать своему знаменитому другу, мистеръ Капель замѣтилъ, что я занимаюсь минералогіей. Бокль посоветовалъ мнѣ не заниматься мелочами, утверждая, что женщины нечего увлекаться техническими и спеціальными подробностями, а достаточно общаго взгляда на науку. Когда я сказала, что занимаюсь для того, чтобы помогать своему сыну, — онъ вполнѣ одобрилъ мою цѣль, прибавивъ, что «постоянное общеніе съ образованной и развитой матерью — лучшая школа для дѣтей».

«При слѣдующемъ свиданіи я спросила у Бокля совѣта насчетъ чтенія по исторіи; онъ сказалъ на это, что большинство читаетъ слишкомъ много и слишкомъ мало думаетъ. что при чтеніи надо дѣлать какъ можно больше выписокъ и почаще ихъ пересматривать. Онъ рекомендовалъ мнѣ читать Лингарда не только потому, что тотъ хорошій писатель, но и потому еще, что мнѣ, какъ ортодоксальной протестанткѣ, полезно ознакомиться съ противоположной точкой зрѣнія на предметъ.

«Съ перваго же свиданія я убѣдилась, что умственные даро-

ванія Бокля представляютъ изъ себя нѣчто изъ ряду вонъ выходящее. Но самъ онъ показался мнѣ холоднымъ, нечувствительнымъ человѣкомъ, для котораго отдѣльный человѣкъ не значитъ ничего и чьи помыслы устремлены лишь на интересы массы, большинства. Мало по малу однако я убѣдилась, что мое мнѣніе далеко не справедливо. Я увидѣла, что въ Боклѣ два человѣка—одинъ, тотъ самый, который написалъ «Исторію Цивилизаціи», и всегда, въ своихъ разсужденіяхъ, становился на самую широкую и отвлеченную точку зрѣнія, съ которой счастье личности сравнительно съ общимъ благомъ не значитъ ничего; другой—нѣжный и внимательный даже къ дѣтямъ, ихъ маленькимъ радостямъ и горестямъ.

«У Бокля было правило не дѣлать въ день больше одного визита. Придя въ гости, онъ никогда не сидѣлъ больше двадцати минутъ, но за эти двадцать минутъ, при его словоохотливости, можно было узнать бездну полезнаго. Онъ часто спорилъ со мной, но никогда не раздражался. Напротивъ, спокойно сидя въ креслѣ или на софѣ, онъ, ни разу не повышая голоса, разбивалъ мои аргументы шагъ за шагомъ и, разъ убѣдившись, что я поняла его, немедленно бралъ шляпу, говорилъ «good bye» и уходилъ своимъ крупнымъ неторопливымъ шагомъ.

«Прочтя первый томъ «Исторіи Цивилизаціи», я была удивлена почти полнымъ умолчаніемъ объ изящныхъ искусствахъ. Неужели же,—спросила я Бокля,—вы не признаете ихъ вліянія на цивилизацію?—«Нѣтъ, не признаю,—былъ отвѣтъ.—Время изящныхъ искусствъ еще не пришло». Развивая свою мысль, Бокль замѣтилъ, что въ ту эпоху, когда изящныя искусства достигли высшаго своего расцвѣта,—люди едва-едва начинали изучать природу. Геніи нашихъ дней поглощены изслѣдованіемъ законовъ вселенной, и изящныя искусства до тѣхъ поръ будутъ стоять на заднемъ планѣ, пока научныя задачи не найдутъ своего разрѣшенія. Только тогда, а не раньше, великія дарованія будутъ имѣть достаточно свободного времени, чтобы заняться искусствомъ *). Если бы Леонардо

*) Любопытно, что Писаревъ, проводя въ своихъ статьяхъ *буквально* тѣ-же взгляды, удостоился высокоумно презрительнаго отношенія со стороны нашихъ критиковъ, которые, вмѣсто того, чтобы изучать духъ эпохи, удовлетворяются насмѣшками надъ случайно вырвавшимися въ пылу журнальной работы парадоксами. Или они и Бокля назовутъ «мальчишкой»? Это было бы интересно.

Винчи, величайшій геній своей эпохи, жилъ въ наши дни,—онъ былъ бы естествоиспытателемъ. Истинный поэтъ XIX-го вѣка—Фарадей. Вѣдь чтобы быть поэтомъ, не надо писать стиховъ,—нужно имѣть даръ творчества, проникновенія, а Фарадей на самомъ дѣлѣ владѣлъ имъ. Работа, лежащая передъ разумомъ человѣческимъ, грандіозна и увѣнчается въ концѣ концовъ рѣшеніемъ основного вопроса о духѣ и матеріи. Бокль вѣрилъ, что этотъ вопросъ разрѣшимъ.

«...Грѣшно ли убивать себя?»—спросила я однажды.—«Пожалуй,—отвѣчалъ Бокль,—такъ какъ въ 99-ти случаяхъ изъ ста самоубійство—результатъ нетерпѣливости или трусости. Пока на свѣтѣ есть хоть одно существо, кого огорчитъ наша смерть,—мы не имѣемъ права поднимать на себя руку. Но если существуетъ на свѣтѣ человѣкъ, безусловно одинокій и страдающій притомъ мучительной и неизлечимой болѣзнью, то право я не вижу вреда, если онъ приметъ лаудану. Общество однако право, считая самоубійство преступленіемъ; оно такъ-же право, какъ отецъ, наказывающій своего ребенка за ложь. Ложь обыкновенно, но отнюдь не необходимо, вытекаетъ изъ дурныхъ мотивовъ, такъ-же и самоубійство. Но можно лгать безъ всякаго злого умысла. Что за вредъ, если я скажу, что $2 + 3 = 6$? Что за бѣда, если я, больной, одинокій, никому ненужный—убью себя?»

«...Философы, — сказала я однажды, — постоянно толкуютъ объ общемъ дѣлѣ, но всѣ ихъ теоріи не приносятъ ни малѣйшаго утѣшенія личностямъ». «Обязанность мыслителей и философовъ,—отвѣчалъ Бокль,—открывать и распространять истину, а не утѣшать страдающихъ. Впрочемъ, отрицая возможность загробнаго возмездія, философія этимъ самымъ дѣлаетъ нашъ взглядъ на жизнь болѣе отраднымъ. Наказаніе существуетъ только здѣсь на землѣ, и, прибѣгая къ нему, общество поступаетъ справедливо, такъ какъ иначе оно не могло бы существовать. Но мы не имѣемъ права обвинять и преступника, ибо онъ сталъ таковымъ, благодаря сѣпленію совершенно независимыхъ отъ него обстоятельствъ. Кетле вполне справедливо замѣчаетъ, что «общество подготавливаетъ преступленіе, а преступникъ есть только орудіе». А если это такъ, то неужели же Всевѣдующій Творецъ станетъ наказывать насъ за совершенное нами.»

«Почему вы знаете, что есть жизнь послѣ смерти?»—«Знать это нельзя,—отвѣчалъ Бокль,—но нашъ инстинктъ заставляетъ

вѣрить въ это». «А что вы думаете относительно судьбы нашего самосознанія, нашей личности тамъ, за гробомъ?» — «Я вѣрю, что содѣянное нами на землѣ окажетъ свое вліяніе и *тамъ*, но мнѣ кажется, что послѣ смерти должно исчезнуть всякое различіе между умомъ генія и идіота. Идіотизмъ, глупость, невѣжество — все это болѣзни, источникъ которыхъ наше тѣло. Если разумъ дѣйствительно безсмертенъ, ничто въ дѣйствительности не можетъ разстроить его...»

Сберегая мѣсто, я долженъ ограничиться этими немногими образчиками разговоровъ Бокля, хотя могъ бы привести ихъ въ значительно большемъ числѣ. Собранные вмѣстѣ, они составили бы цѣнное дополненіе къ «Исторіи Цивилизаціи», хотя едвали скажутъ намъ что-нибудь особенно новое. Мысль Бокля, глубокая и настойчивая, не отличалась однако ни разнообразіемъ, ни легкостью. Онъ вытягивалъ свои заключенія точно проволоку изъ куска стали и никогда не отступалъ отъ разъ принятыхъ имъ принциповъ. Онъ въ своихъ общественныхъ, нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ всегда былъ утилитаріанцемъ и англичаниномъ до мозга костей. Изъ всѣхъ системъ воспитанія онъ считалъ совершеннѣйшей ту, которая наиболѣе обезпечиваетъ физическую и духовную свободу и самостоятельность ребенка; изъ всѣхъ системъ государственнаго устройства его привлекала больше всего англійская. Онъ былъ защитникомъ свободы торговли, печати, слова и — нечего даже говорить — религиозныхъ убѣжденій. Онъ вѣрилъ, что по мѣрѣ того, какъ наука обращаетъ въ прахъ суевѣрія и предрасудки, вражда между народами и воинственный духъ должны слабѣть и постепенно атрофироваться. Національный узкій эгоизмъ онъ считалъ однимъ изъ главныхъ тормазовъ развитія и радостно привѣтствовалъ первую всемірную парижскую выставку. Правительственный деспотизмъ въ любой формѣ возмущалъ его. Когда Наполеонъ III раскрылъ свои карты и сталъ ссылать на галеры всѣхъ, кто осмѣливался не считать его правленія торжествомъ «свободы и незабвенныхъ принциповъ 1789 года», Бокль не желалъ болѣе посѣщать Франціи. «Меня оскорбляетъ судьба великаго и передового народа», — говорилъ онъ съ искренней грустью. Одинъ изъ немногихъ англичанъ, онъ осуждалъ севастопольскую кампанію, считая общеевропейскую войну въ срединѣ XIX-го вѣка чѣмъ-то уродливымъ и отвратительнымъ.

Болѣе подробное изложеніе взглядовъ Бокля на этотъ послѣдній важный пунктъ, полагаю, не затруднить читателя:

«Каждое важное пріобрѣтеніе въ области знанія, — говоритъ онъ, — усиливаетъ авторитетъ умственно-трудящихся классовъ, увеличивая запасъ средствъ, которыми они могутъ располагать. Но между этими классами и военнымъ сословіемъ существуетъ явный антагонизмъ; это антагонизмъ между мыслью и дѣломъ, между внутреннимъ и внѣшнимъ, между доказательствомъ и насиліемъ, между силой убѣжденія и физической силой, короче сказать, между людьми, живущими мирнымъ промысломъ, и людьми, живущими войною. Слѣдовательно все, что благоприятно одному изъ этихъ классовъ, очевидно неблагоприятно другому. Предполагая, что всѣ другія обстоятельства въ одномъ и томъ же положеніи, можно смѣло сказать, что по мѣрѣ того, какъ умственные пріобрѣтенія извѣстнаго народа увеличиваются, его расположеніе къ войнѣ уменьшается, и наоборотъ — если умственные силы весьма ограничены, то расположеніе къ войнѣ весьма сильно. У совершенно дикихъ народовъ чисто умственныхъ пріобрѣтеній вовсе не бываетъ; для нихъ духъ представляетъ сухую, бесплодную пустыню, и потому возможна только внѣшняя дѣятельность; у нихъ единственное достоинство — личная храбрость. Человѣкъ не имѣетъ никакого значенія, пока не убьетъ хотя одного непріятеля, и чѣмъ больше онъ убилъ себѣ подобныхъ, тѣмъ большимъ онъ пользуется вѣсомъ. Вотъ совершенно дикое состояніе, вотъ та степень человѣческаго развитія, на которой болѣе всего цѣнятся воинская отвага и болѣе всего уважаются воины. Отъ этого ужасно низкаго состоянія до высоты цивилизаціи ведетъ длинный рядъ ступеней; на каждой изъ ступеней физическая сила теряетъ часть своего владычества и нѣсколько усиливается владычество мысли. Медленно, одинъ за другимъ, возникаютъ мыслящіе, мирные классы; сперва воины глубоко презираютъ ихъ, но мало-помалу они ободряются, возрастаютъ числомъ и крѣпнутъ силой и съ каждымъ шагомъ впередъ ослабляютъ старый воинственный духъ, которымъ прежде поглощались всѣ другія стремленія. Торговля, мануфактуры, законы, дипломатія, литература, науки, философія — все это было прежде неизвѣстно, теперь же каждый изъ этихъ предметовъ становится спеціальностью особаго класса людей. Каждый классъ отстаиваетъ важность своихъ занятій. Изъ этихъ классовъ нѣкоторые конечно менѣе миролюбивы, чѣмъ другіе, но даже и тѣ, которые наименѣе отличаются этимъ качествомъ, все-таки болѣе расположены къ миру, чѣмъ люди, у которыхъ всѣ мысли направлены къ войнѣ и которые видятъ во всякой новой распрѣ возможность отличиться, вовсе не существующую для нихъ въ мирное время».

Воинственный духъ и нетерпимость — вотъ главный тормазъ цивилизаціи, мрачныя силы, стоящія на ея дорогѣ. Поучительно, что Бокль, этотъ кабинетный человѣкъ, вышелъ однажды изъ своего уединенія и перемѣнилъ перо историка на перо памфлетиста, когда на глазахъ всего англійскаго общества грубо и дерзко была нарушена вѣротерпимость. Я говорю о когда-то громкомъ дѣлѣ

судьи Кольриджа,—дѣлѣ, на которомъ и намъ не мѣшаетъ оставаться.

Читая и перечитывая какъ-то книгу Милля «О свободѣ», Бокль натолкнулся на такую фразу: «Ни одна европейская страна не можетъ еще похвалиться тѣмъ, что вполне и безусловно держится великаго принципа вѣротерпимости. Преслѣдованія за вѣру и убѣжденія, хотя и рѣдкія сравнительно съ предшествовавшими вѣками, все еще повторяются довольно часто. Даже Англія, гордящаяся своей свободой, не составляетъ исключенія. Еще очень недавно провинціальныя газеты сообщали, что въ Корнвалисѣ нѣкто Пули былъ приговоренъ судьей Кольриджемъ къ 18-ти мѣсячному аресту за пропаганду мнѣній, показавшихся судьѣ еретическими...»

Эта фраза поразила Бокля. Хорошо зная Милля, онъ не допускалъ даже мысли, чтобы тотъ говорилъ на вѣтеръ или безъ полнаго убѣжденія въ истинности своихъ словъ. Но вмѣстѣ съ этимъ фактъ преслѣдованія казался ему настолько чудовищнымъ, что онъ отказывался вѣрить ему. Нѣсколько успокоившись на мысли, что газеты ввели въ заблужденіе Милля, онъ рѣшился однако разслѣдовать исторію, очевидно незнакомый съ мудрымъ параграфомъ, по которому никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣло, прямо его не касающееся.

Оказалось, что Милль былъ правъ, и вотъ что разузналъ Бокль:

«Лѣтомъ 1857 г. одинъ бѣдный чернорабочій, по имени Тома Пули, проживалъ въ Лоскердѣ, зарабатывая себѣ пропитаніе поденщиной. Всѣ знали его за человѣка трудолюбиваго, честнаго и непьющаго. Но вмѣстѣ съ этимъ образъ жизни и нѣкоторыя поступки Пули были настолько странны и эксцентричны, что многіе считали его не въ своемъ умѣ. Несмотря на это, Пули пользовался расположеніемъ окружающихъ и любовью своего семейства, для котораго онъ работалъ не покладая рукъ. Несомнѣнно, что онъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ. Между прочимъ ему представлялось, что земля—живое существо, почему онъ и отказывался слишкомъ глубоко запускать заступъ, увѣряя, что такимъ путемъ онъ можетъ прорвать кожу «общей матери» и причинить ей боль. Еслибы это случилось, обиженная земля должна была поглотить всѣ рѣки, ручьи, потоки, и людямъ не оставалось бы ничего, какъ умереть отъ жажды. Кромѣ того больному воображенію Пули казалось почему-то, что стоитъ только сжечь Библію,

разсѣять пепелъ по полямъ и въ такомъ случаѣ прекратится гнѣніе картофеля. Библию и христіанство онъ ненавидѣлъ со всѣмъ фанатизмомъ безумія. Вреднаго вліянія онъ однако не оказывалъ ни на кого. Его невѣжество, путаница его мыслей бросались всѣмъ въ глаза, его проповѣдей не слушали, такъ какъ считали ихъ бредомъ сумасшедшаго. Что же касается до фермеровъ, то они охотно брали Пули къ себѣ въ работники, цѣня его мускулы и воловью неутомимость».

«Однажды Пули, раздобывши кусокъ мѣлу, написалъ на чьихъ-то воротахъ нѣсколько бессмысленныхъ словъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, объяснить таинственную связь между сожженіемъ Библии и прекращеніемъ картофельной болѣзни. Тѣмъ же путемъ бѣдняга объяснилъ, что ненавидитъ христіанство. Мѣстный священникъ не преминулъ донести о таковой ереси, а чиновникъ, — лицо, одинаково изъ духовнаго званія, заключилъ Пули въ тюрьму».

«Пули предсталъ передъ судьей. Ему не дали защитника, зато прокуроръ произнесъ длинную рѣчь о вредѣ ереси. Всѣ присутствовавшіе на разбирательствѣ замѣтили, что обвиняемый говорить путаницу, держитъ себя странно и очевидно плохо понимаетъ, гдѣ онъ и что онъ. Только на одного судью Пули произвелъ впечатлѣніе совершенно здраваго и нормальнаго человѣка, почему и былъ приговоренъ къ полуторогодовому тюремному заключенію. Имя судьи—мистеръ Кольриджъ».

Бокль вступился за несчастнаго сумасшедшаго. Въ горячей статьѣ напалъ онъ на судью и требовалъ, чтобы дѣло было пересмотрѣно. «Никто не можетъ поручиться, — писалъ онъ, — что преслѣдованія за вѣру не возродятся когда-нибудь съ прежнею силою. Поэтому мы должны быть особенно внимательны ко всѣмъ случаямъ, гдѣ поднимается вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ; мы должны отстаивать эту свободу, несмотря ни на что, чтобы общество привыкло наконецъ считать ее безусловной и ненарушимой, а посягновеніе на нее дикимъ и гнуснымъ».

Бокль повторяетъ лучшіе аргументы Локка въ защиту вѣротерпимости. Ихъ же находимъ мы и въ «Исторіи Цивилизаціи».

«Что гоненіе за вѣру, — говоритъ онъ, — есть большее зло, чѣмъ всякое другое, это уже доказывается огромнымъ, почти невѣроятнымъ числомъ извѣстныхъ жертвъ его; но къ этому должно прибавить, что неизвѣстныя жертвы вѣроотно еще многочисленнѣе, и что исторія не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній о тѣхъ, которые были пощажены тѣлесно, съ тѣмъ чтобы подвергнуться истязанію душевному. Мы много

слышамъ о мученикахъ и исповѣдникахъ, — о тѣхъ, которые были умерщвлены мечемъ или сожжены на огнѣ, но почти ничего не знаемъ о гораздо большемъ числѣ тѣхъ, которые одной угрозой гоненія были доведены до наружнаго отреченія отъ своихъ убѣжденій и, принужденные такимъ образомъ къ отступничеству, котораго ужасалась ихъ душа, провели остальную жизнь свою въ постоянномъ унижительномъ лицемѣріи. Въ этомъ именно заключается настоящее зло религіозныхъ гоненій. Когда такимъ образомъ люди бываютъ вынуждены маскировать свои мнѣнія, то въ нихъ образуется привычка обезопасивать себя посредствомъ обмана и покупать безнаказанность цѣною лжи; для нихъ ложь становится одной изъ ежедневныхъ потребностей, а лицемѣріе — однимъ изъ обычаевъ; общій духъ и образъ мыслей націи подвергается порчѣ, и сумма существующихъ въ ней пороковъ и заблужденій страшно увеличивается. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право сказать, что въ сравненіи съ этимъ злодѣяніемъ всѣ другія являющіяся маловажными, и мы должны быть глубоко благодарны успѣхамъ умственного развитія, прекратившимъ это зло, которое однако многіе желали бы возобновить».

Бокль съ презрѣніемъ отвергаетъ защиту Кольриджа, основанную на томъ, что судья дѣйствовалъ искренно, въ полномъ убѣжденіи своей правоты. «Тѣмъ хуже, — говоритъ онъ, — если онъ не сумѣлъ отличить больного отъ здороваго, если онъ на самомъ дѣлѣ думалъ, что бредъ о Библіи, уничтожающей картофельную болѣзнь, можетъ повредить благосостоянію общества и заслуживаетъ строжайшаго надзора, — онъ значитъ невѣжда. А невѣжды тѣмъ вреднѣе, чѣмъ искреннѣе». Бокль писалъ:

«Наказать даже одного человѣка за его религіозныя убѣжденія есть конечно одно изъ самыхъ страшныхъ злодѣяній въ мірѣ; но наказать огромное количество людей, преслѣдовать цѣлую секту, пытаться искоренить мнѣнія, которыя, произтекая изъ самаго состоянія общества, служатъ лишь проявленіемъ дивной и роскошной производительности человѣческаго ума, — все это составляетъ не только одно изъ самыхъ вредныхъ, но и одно изъ самыхъ безразсудныхъ дѣлъ, какія только мы можемъ себѣ представить. Тѣмъ не менѣе несомнѣнный фактъ, что огромное большинство лицъ, воздвигавшихъ гоненія за религію, были люди съ самыми чистыми намѣреніями, съ самой высокой и безукоризненной нравственностью. Невозможно даже чтобы это было иначе. Нельзя считать неблагонамѣренными людей старающихся навязать кому-нибудь убѣжденія, которыя они считаютъ, хорошими. Тѣмъ менѣе можно называть дурными людей, которые безъ, всякаго земного расчета употребляютъ всѣ средства своей власти не для своей пользы, но для распространенія религіи, которую считаютъ необходимой для будущаго благоденствія человѣчества. Такихъ людей не должно считать дурными, а только невѣжественными, не знающими ни свойствъ истины, ни послѣдствій своихъ поступковъ. Но съ нравственной точки зрѣнія побужденія, которымъ они слѣдуютъ, безуко-

ризненны. Дѣйствительно, ихъ возбуждаетъ къ преслѣдованію самая искренность ихъ убѣжденія. Именно святое усердіе, одушевляющее ихъ, возбуждаетъ ихъ фанатизмъ къ небесной дѣятельности. Если вы вѣруете какому-нибудь человѣку глубочайшее убѣжденіе въ великомъ значеніи какого-нибудь нравственнаго или религіознаго ученія, если вы увѣрите его, что всѣ, отвергающіе это ученіе, осуждены на вѣчную гибель, если вы затѣмъ обѣчете этого человѣка властью и, пользуясь его невѣдніемъ, ослѣпите его относительно дальнѣйшихъ послѣдствій,—онъ непременно будетъ преслѣдовать всѣхъ, отрицающихъ его ученіе, и энергія, которую онъ проявитъ въ этомъ преслѣдованіи, будетъ соразмѣрна искренности его убѣжденія. Убавьте искренности—и ослабится преслѣдованіе; другими словами, ослабивши добродѣтель, вы можете уменьшить зло».

Бокль добился своей цѣли: дѣло Пули было пересмотрѣно, и несчастнаго автора теоріи о вліяніи Библіи на картофельную болѣзнь выпустили на свободу.

Но вотъ любопытная черта для характеристики англійскаго общественнаго дѣятеля. Довольно долгое время оно было скорѣе противъ Бокля, чѣмъ на его сторонѣ. Бокля обвиняли за излишнюю страстность,—за то, что онъ нападаетъ на личность судьи и позволяетъ себѣ непочтительно относиться къ его мантии. Но отъ такихъ людей, какъ Милль, Бокль, разумѣется, не получилъ ничего, кромѣ самыхъ искреннихъ поздравленій.

* * *

Вернемся теперь ненадолго къ воспоминаніямъ мистрисъ Гезъ. «...Мы пригласили Бокля провести нѣсколько дней у насъ въ С.Леонардѣ, на что онъ охотно согласился, такъ какъ былъ совершенно свободенъ: по случаю праздниковъ печатаніе второго тома его «Исторіи» было пріостановлено. Разумѣется, мы приложили всѣ старанія, чтобы сдѣлать пребываніе Бокля возможно пріятнымъ. Мы отдали въ его распоряженіе верхъ, чтобы онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія. Запасъ его любимой бумаги и перьевъ лежалъ на столѣ. Но Бокль даже не дотронулся до нихъ. Почти все время онъ проводилъ съ нами, только гулялъ одинъ. Что было его неизмѣнной привычкой и даже потребностью. Во время прогулки онъ обдумывалъ свои будущія работы и не любилъ, чтобы ему мѣшали въ этомъ. Здоровье его было (1861 г.) очень слабо, и, проговоривши часъ, онъ чувствовалъ себя совершенно утомленнымъ и почти готовымъ упасть въ обморокъ.

«Разнообразіе его знаній было поразительно. О чемъ бы ни возбуждался разговоръ, Бокль всегда принималъ въ немъ самое

дѣятельное участіе и велѣ его. По вечерамъ онъ любилъ говорить о поэзій. Ричарда II онъ считалъ лучшимъ созданіемъ Шекспира и однажды прочелъ намъ на память весь знаменитый монологъ: «No matter where, of comfort no man speak». Читалъ онъ очень хорошо, въ высшей степени просто и проникновенно.

«Въ веселомъ настроеніи духа онъ рассказывалъ безчисленные анекдоты. Запасъ его былъ неисощимъ и постоянно пополнялся чтеніемъ французскихъ мемуаровъ».

«Особенно охотно бесѣдовалъ онъ о воспитаніи. Особенное вниманіе совѣтовалъ онъ обращать на физическое развитіе ребенка и на то, чтобы онъ никогда не чувствовалъ переутомленія—величайшей школьной язвы. Положеніе институтовъ и школъ для дѣвочекъ онъ считалъ ниже всякой критики. Главная бѣда для дѣвочекъ заключается въ томъ, что ихъ воспитаніе и образованіе находится въ рукахъ старыхъ дѣвъ, которыя съ ужасомъ отрешиваются отъ всего, что чуть-чуть выше посредственности. «Однажды, — рассказывалъ Бокль, — я въ день именинъ N, шестнадцатилѣтней миссъ, подарилъ ей полное собраніе пьесъ Мольера. Къ величайшему моему изумленію, Мольеръ былъ возвращенъ при вѣжливой запискѣ директрисы, что чтеніе *такихъ* книгъ она никоимъ образомъ допустить не можетъ. «Какія же вы можете допустить?» полюбопытствовалъ я. Миѣ дали цѣлый списокъ второстепенныхъ поэтовъ. Между тѣмъ развѣ Шекспиръ и Мольеръ, Байронъ и Спенсеръ могутъ принести какой-нибудь вредъ? Наши школьники свободно читаютъ ихъ, и если ихъ нравственность извращается порою, то ужъ никакъ не отъ этого.»

«Постоянное въ то время «движеніе труда» привлекало къ себѣ вниманіе Бокля. Онъ полагалъ, что рабочіе классы будутъ существовать всегда, но что положеніе ихъ значительно улучшится, благодаря возвышенію заработной платы. Въ настоящее время неравномѣрность распредѣленія богатствъ поразительна. Несправедливо, что кто-нибудь имѣетъ 2,000 ф. ст. годового дохода, а его горничная только 20. Но въ этой области прогрессъ можетъ быть осуществленъ лишь медленными усиліями и медленнымъ постепеннымъ ростомъ заработка.

«Въ подобныхъ разговорахъ проходили наши вечера. Черезъ недѣлю Бокль распростился съ нами и уѣхалъ въ Лондонъ, чтобы надолго, съ головой, уйти въ свои корректуры».

V.

Послѣдній годъ жизни.

Какъ ни напрягалъ Бокль свои силы, ихъ не хватило для третьяго тома «Введенія», гдѣ онъ намѣревался изложить исторію цивилизаціи Германіи и Америки. Какъ бы торгуясь съ своей болѣзнью и слабостью, онъ согласился работать только два часа въ сутки; онъ какъ бы вымаливалъ у судьбы эти два часа ежедневныхъ занятій—но и это оказалось невозможнымъ. Доктора категорически потребовали, чтобы онъ нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ полному и безусловному отдыху. Пришлось подчиниться.

Въ субботу 20 октября 1861 года Бокль, одѣтый въ свой любимый толстаго сукна старомодный сюртукъ, сѣлъ въ Соутгэмптонъ на пароходъ, шедшій въ Александрію. Цѣлью путешествія были Египетъ и Палестина. Бокль ѣхалъ не одинъ: онъ взялъ съ собою въ путешествіе двухъ мальчиковъ, дѣтей мистера Геза.

Поѣздка по Нилу удалась какъ нельзя лучше. Бокль мало читалъ, ничего не писалъ кромѣ писемъ, собиралъ коллекцію всякихъ рѣдкостей, наслаждался оригинальными видами. Онъ поправился быстро, замѣтно. «Я чувствую себя такъ хорошо,—писалъ онъ своимъ друзьямъ въ Англіи,—какъ давно уже, цѣлые годы, не чувствовалъ. Голова полна мыслями, я самъ—сознаніемъ, что живу. Я встаю аккуратно въ 6 часовъ утра и жалѣю лишь о томъ, что день такъ скоро проходитъ: здѣсь столько такого, о чемъ надо подумать, что надо повидать».

Между прочимъ онъ занимался съ дѣтьми и находилъ въ этихъ занятіяхъ большое удовольствіе.

«Путешествіе по Нилу,—писалъ онъ мистеру Гезу,—хотя и медленное, не было однако скучнымъ, такъ какъ у насъ были полныя руки дѣла. Съ удовольствіемъ могу сообщить, что мальчики очень заботятся о своемъ образованіи и безъ всякаго понуканія съ моей стороны читаютъ столько, сколько мнѣ это желательно. Чтобы разнообразить впечатлѣнія, мы ежедневно два раза останавливаемъ лодку и выходимъ съ конвоемъ на берегъ, гдѣ и гуляемъ. Вечеромъ я разговариваю съ дѣтьми о томъ, что они видѣли и читали, разъясняю имъ незнакомое и стараюсь, чтобы они обо всемъ составляли самостоятельное мнѣніе. Ихъ запасъ историческихъ и географическихъ фактовъ уже очень великъ. Но накопленіе фактовъ—не моя цѣль: я хочу научить ихъ смотрѣть на

жизнь съ самой широкой и высшей точки зрѣнія, которую только допускаютъ ихъ возрастъ и способности. Это главное, кромѣ, разума, здоровья. Изустно я преподаю анатомію и фізіологію...»

Такъ проходили дни и недѣли. Скоро, благодаря встрѣтившимся по дорогѣ англичанамъ и американцамъ, компанія увеличилась, и Бокль могъ полностью наслаждаться излюбленнымъ своимъ развлеченіемъ—table talk—застольными бесѣдами. Съ удовольствіемъ говорилъ онъ цѣлыми часами о прошломъ Египта, Сиріи, Іудеи. Находившіеся въ обществѣ три священника въ концѣ концовъ возненавидѣли его за еретическія мнѣнія о пророкѣ Іонѣ и о многомъ тому подобномъ и отказывались даже сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Съ большимъ искусствомъ и большою настойчивостью дразнилъ Бокль почтенныхъ патеровъ...

Въ мартѣ 1862 г. онъ чувствовалъ себя прекрасно, и все общество отправилось изъ Каира въ Синай. «Поправивъ свое здоровье шестинедѣльнымъ странствованіемъ по пустынѣ,—сообщаетъ мистеръ Гюкъ,—онъ предпринялъ болѣе утомительную поѣздку верхомъ по Мессопотаміи. Вслѣдствіе же пылкости характера или — что вѣрнѣе — подъ вліяніемъ нервной раздражительности, онъ не берегъ свои силы, и хотя 27-го апрѣля увѣрялъ насъ, что чувствуетъ себя какъ нельзя лучше, но въ тотъ же день открылась у него діарея; кромѣ того онъ жаловался на боль въ горлѣ, и мы принуждены были съ недѣлю жить въ лазаретѣ.

«Послѣ того его прежняя бодрость, удивлявшая насъ въ пустынѣ, не возвращалась болѣе, и мы пробыли два лишнихъ дня въ Сидонѣ, а потомъ поѣхали болѣе покойною, хотя и менѣе интересною дорогою въ Дамаскъ. Когда при выходѣ изъ горнаго ущелья восточнаго склона Антиливана передъ нами открылась великолѣпная картина знаменитой долины, Бокль воскликнулъ: «ради этого стоило бы перенести болѣе страданій и усталости!» Увы! Онъ не зналъ, какою цѣною придется ему заплатить за это удовольствіе. Излишняя усталость снова вызвала припадокъ діареи. Докторъ прописалъ ему приемъ опиума. Какъ ни малъ былъ этотъ приемъ, Бокль по слабости своего организма впалъ въ безпамятство и пролежалъ четверть часа. Грустно и тяжело было слышать, какъ въ его бреду между несвязными словами слышались восклицанія: *«Книга! Моя книга! я никогда не кончу моей книги!»* Французъ-докторъ, лечившій его, не только успокаивалъ больного, но даже сказалъ мнѣ наединѣ,

что опасности нѣтъ, но всетаки совѣтовалъ лучше не ѣхать въ Бельбекъ черезъ Ливанскія горы и возвратиться въ Бейрутъ по французскому шоссе. На основаніи увѣреній доктора, что Боклю лучше, я 21-го мая разстался съ нимъ (въ чемъ теперь горько раскаяваюсь), надѣясь встрѣтить его въ Бейрутѣ совершенно здоровымъ и готовымъ продолжать путешествіе въ Грецію и Турцію. Считаю лишнимъ говорить о томъ, какъ я былъ пораженъ вчера, 31-го мая, услышавъ въ англійскомъ посольствѣ, что въ тотъ же день, какъ я выѣхалъ изъ Дамаска, Бокль получилъ тифозную горячку, потерялъ сознаніе и 29-го умеръ».

Бокль похороненъ въ Дамаскѣ, — городѣ, видѣть который онъ стремился еще съ дѣтства. Надъ его могилой лежитъ большая мраморная плита съ надписью:

Памяти
Генри Томаса Бокля,
единственнаго сына покойнаго Томаса
Генри Бокля и его жены Дженъ. Умеръ
отъ лихорадки въ Дамаскѣ 29-го мая 1862 г.
40 лѣтъ отъ роду.

Заключеніе.

Вопросъ о законахъ исторіи настолько сложенъ, что я считаю необходимымъ посвятить ему въ заключеніе нѣсколько страницъ, такъ какъ нечего и говорить, что въ стремленіи формулировать эти законы и заключается главная заслуга Бокля.

«Наука идетъ далѣе знанія. Она вырабатывается изъ него. когда безспорные факты группируются въ законы. Знаніе, не способное установить законы, вовсе не есть наука. Одно изъ двухъ: или въ исторіи можно открыть законы, или она не допускаетъ научной обработки».

«Здѣсь первостепенную важность получаетъ то обстоятельство, что науки, по отношенію къ законамъ, въ нихъ устанавливаемымъ, распадаются на два весьма различные разряда. Въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ законы имѣютъ особенный типъ, и отыскивать законъ одного типа въ наукахъ, относящихся къ другому разряду, совершенно напрасно, это не мѣшаетъ въ послѣднихъ существовать законамъ соотвѣстнаго имъ типа. Разница этихъ двухъ разрядовъ наукъ, какъ разница соотвѣствующихъ имъ типовъ законовъ явленій, вытекаетъ сама собой изъ той разницы, которая для насъ существуетъ въ изучаемыхъ здѣсь и тамъ явленіяхъ».

«Камень падаетъ, желѣзная полоса гнется, нагрѣвается и охлаждается, ржавѣетъ, пища переваривается; ощущеніе перерабатывается въ представленія и понятія; въ обществѣ усиливается и слабѣетъ солидарность между личностями, происходитъ обмѣнъ услугъ и мыслей. Все это совершалось и будетъ совершаться въ предѣлахъ нашихъ наблюденій, пока были и будутъ камни, желѣзные полосы, органы пищеваренія, ощущающія существа, сближенія людей въ общества. Характеристическій для насъ призракъ, общій всѣмъ этимъ явленіямъ, — ихъ *повтореніе*. Мы и подразумеваемъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ подъ терминомъ явленій повторяющихся, и этотъ-то характеръ повторяемости явленій далъ намъ особый разрядъ наукъ и въ нихъ особый типъ отыскиваемыхъ и устанавливаемыхъ законовъ».

«Но мы наблюдаемъ и явленія, лишенные только-что указаннаго характеристическаго признака повторяемости. Цыпленокъ вылупляется изъ яйца и никогда уже не вернется къ тѣмъ формамъ, которыя онъ имѣлъ въ яйцѣ. Отъ этого момента въ прошедшее тянется рядъ формъ, которыя онъ пережилъ и болѣе пережить не можетъ. Отъ этого же момента до смерти птицы (допуская, что эта смерть будетъ естественная) тянется новый рядъ формъ, которыя опять для этой особи появляются лишь однажды и никогда болѣе. Внимательный ученый убѣждается, что рядъ этихъ формъ не представляетъ случайности, но необходимую послѣдовательность. Каждая изъ нихъ подготавливаетъ форму, за ней слѣдующую, и подготавливается предыдущей. Этотъ рядъ научныхъ фактовъ можетъ быть сгруппированъ въ опредѣленный законъ *необходимой послѣдовательности* смѣняющихся другъ друга формъ, въ опредѣленный законъ *развитія*. И для cadaго организма — для медузы, для муравья, для человѣка — мы находимъ такой же законъ, вполне научный, но нисколько не похожій по типу на законы физики или физиологии. Въ этихъ законахъ развитія различныхъ организмовъ ученые *открываютъ результатъ дѣйствія законовъ повторяющихся явленій, но этотъ результатъ есть всетаки законъ совершенно иного типа, законъ послѣдовательности членовъ ряда неповторяющихся явленій*. Частные законы развитія организмовъ cadaго вида наука стремится обобщить въ еще меньшее число законовъ развитія отдѣльныхъ классовъ организмовъ, наконецъ въ еще болѣе широкій законъ развитія животныхъ вообще, но это все законы того же типа, нисколько несходные съ законами повторяющихся явленій».

«Въ приведенныхъ примѣрахъ *протѣрка* законовъ облегчалась тѣмъ, что одинаковые организмы мы наблюдаемъ въ многочисленныхъ экземплярахъ и фазисъ, недоступный наблюденію въ одномъ изъ нихъ, отмѣчаемъ при изслѣдованіи другого. Но это техническій пріемъ изученія и ничего общаго съ характеромъ отыскиваемого закона не имѣетъ. Этотъ законъ мы понимаемъ, какъ совершенно одинаковый для организма даннаго вида, существуетъ ли послѣдній въ одной особи или въ нѣсколькихъ сходныхъ экземплярахъ».

Дѣйствительно трансформисты въ настоящее время ищутъ законъ подобнаго-же типа для развитія органическаго міра въ его цѣломъ, хотя эта эволюція организма представляется мыслителю

въ единственномъ экземплярѣ, о которомъ трудно даже допустить, чтобы сходный съ нимъ экземпляръ эволюціи организмовъ могъ имѣть мѣсто на какомъ-либо другомъ небесномъ тѣлѣ. Законъ этого развитія, вслѣдствіе единственности экземпляра, на которомъ онъ изучается, открыть несравненно труднѣе, чѣмъ законъ развитія мотылька въ его метаморфозахъ, но научная задача совершенно та-же въ обоихъ случаяхъ. На опредѣленной ступени выработались четырехъ-крылыя наѣкомыя, и, разъ выработавшись, они уже никогда не могли вернуться къ тѣмъ формамъ, черезъ которыя прошли ранѣе, каковы-бы эти формы ни были. Точно также на другой ступени, изъ животнаго, принадлежащаго къ классу приматовъ, — выработался питекантропъ, и онъ никогда не вернется къ формѣ обезьяны, бывшей его предкомъ, никогда не обратится въ гориллу и даже не проявитъ той комбинаціи физико-психическихъ свойствъ, которой обладалъ его предокъ, впервые обдѣлавшій камень въ топоръ. Нескоро наука установитъ для развитія органическаго міра законъ, такой-же точный, какъ для эмбриологіи цыпленка, но этотъ законъ, насколько онъ извѣстенъ въ нѣкоторыхъ чертахъ, столь-же наученъ, какъ послѣдній, и совершенно одинаковаго съ нимъ типа.

Итакъ, *неповторяемость* явленій никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ невозможности законовъ исторіи. Да и что собственно въ мірѣ повторяется въ абсолютной тождественности самому себѣ? Паденіе камня, нагрѣваніе воды, рожденіе цыпленка, созрѣваніе плода на деревѣ, созданіе поэмы художникомъ — совершается каждый разъ при особыхъ своеобразныхъ условіяхъ температуры, тяжести, плотности воздуха и т. д. Абсолютныхъ величинъ, абсолютной тождественности явленій, абсолютной повторяемости въ природѣ нѣтъ. Скорость движенія солнца или земли измѣняется съ каждымъ безконечно малымъ промежуткомъ времени и является величиной лишь приблизительною, а не математически неизмѣнной.

«Если, — говоритъ Бокль, — человѣческія дѣйствія не основаны на прочныхъ законахъ, то должны быть обязаны своимъ происхожденіемъ случаю или сверхъестественному вѣдѣтельству». Вся исторія превращается въ калейдоскопъ безсвязныхъ фактовъ, если мы допустимъ мысль, что нѣтъ спеціальныхъ историческихъ законовъ. Но что-же мѣшало до сихъ поръ открытію этихъ послѣднихъ? Оправдывающихъ и ослабляющихъ вину обстоятельствъ много:

1. Сложность историческихъ явленій.

2. Культъ героевъ и отдѣльныхъ личностей.

3. Судъ надъ исторіей, такъ какъ до сей поры ни одинъ изъ историковъ все еще не хочетъ отказать себѣ въ удовольствіи фигурировать въ роли Миноса или Радаманта.

Исторія, правильно понятая, есть *наука развитія общественныхъ формъ*. По предразсудку, сохранившемуся еще со временъ грековъ, ее начинаютъ обыкновенно одни съ появленія письменъ и сознательнаго отношенія человѣка къ окружающей его обстановкѣ, другіе — съ образованія государства. Почему установлена такая неопредѣленная грань между одной половиной жизни человѣчества и другой — это секретъ, ставшій однако какъ бы догматомъ. «Исторія начинается съ появленія государства» — говоритъ напр. Веберъ, но напрасно читатель станетъ перерывать его объемистую «Weltgeschichte», чтобы узнать основанія этого пиенического изреченія. Государство — лишь ступень общественной жизни, ступень очень неопредѣленная, закраины которой можно черно затушевать лишь у себя въ кабинетѣ. Историки устанавливаютъ эту эру съ такимъ же основаніемъ, какъ Магометъ свою собственную. У каффровъ и готтентотовъ также есть исторія, какъ у англичанъ и французовъ, такъ какъ у нихъ есть сознаніе и смѣна общественныхъ формъ. Каждая общественная форма представляется какъ моментъ развитія, подготовленный рядомъ предшествовавшихъ моментовъ общежитія и подготовляющій дальнѣйшія формы культуры. Поэтому-то для историка важнѣйшими вопросами являются: во-первыхъ, изъ какихъ общественныхъ формъ могло развиться и дѣйствительно развивалось данное общежитіе? Какія формы культуры оно могло выработать и дѣйствительно выработало? Разнообразіе внѣшнихъ вліяній, которыя обуславливаютъ появленіе тѣхъ или другихъ подробностей общежитія, тѣхъ или другихъ частныхъ культуры, усложняетъ значительно ростъ исторіи, вызывая почти на каждомъ шагѣ сомнѣнія, которыя навсегда остались-бы неразрѣшимыми, еслибы не исчезло (хотя и далеко не вполне) прежнее біографическое направленіе, — этотъ уродливый культъ героевъ, отъ котораго несвободны даже такіе великіе умы, какъ Гёте, Гегель, Карлейль и т. п.

Развитой историкъ нашихъ дней, наравнѣ со специалистами любой отрасли, можетъ понимать міръ въ совокупности его явленій, лишь какъ подлежащій безусловному детерминизму, иначе онъ

ежеминутно будетъ наткаться на случайности и чудеса, въ тѣхъ которыхъ и запутается немедленно-же. Механическая необходимость опредѣляетъ столь-же непрерывнаго мысли и чувства особи, историческіе провалы народовъ, какъ вращеніе планетъ, скорость движенія и путь каждой капли водопада и измѣняемость видовъ растений и животныхъ. Если-же это такъ, то настанетъ пора, когда нравственная оцѣнка того или другого историческаго процесса будетъ представляться такой-же странной, какъ еслибы въ химіи мы прочли: «при такихъ обстоятельствахъ мужественный кислородъ, восчувствовавъ горячую дружбу къ нѣжному и тожному водороду, рѣшился слиться съ нимъ воедино и, воспользовавшись услугами благодѣтельной волшебницы температуры, породилъ воду».

Ничто, разумѣется, не можетъ насъ заставить быть равнодушнымъ къ ужасамъ инквизиціи напримѣръ, но ненависть къ ней относится къ области морали, этики; исторіи-же нечего съ нею дѣлать. Историкъ собственно долженъ признавать лишь одинъ критеріумъ—*необходимость*; если онъ точно, ясно, неопровержимо доказалъ, что такое-то явленіе необходимо обусловлено было такими-то и такими дѣйствительными признаками—онъ исполнилъ свою научную роль. Какъ ни пріятна роль Радаманта, отъ нея надо отказаться или же продолжать ту недостойную канитель, которая подъ именемъ исторіи служила до сихъ поръ интересамъ партій, вѣроисповѣданій, возвеличенію отдѣльныхъ личностей.

Подкладкою всякаго научнаго пониманія исторіи можетъ и должно быть всегда самое строгое и широкое приложеніе методовъ объективныхъ историческихъ знаній и объективной исторической критики, устанавливающей точную степень вѣроятности каждаго историческаго факта въ его отдѣльности и его совмѣстностяхъ съ другими. Поэтому въ научномъ пониманіи исторіи нѣтъ и не можетъ быть мѣста никакому субъективизму—ни логическому, ни нравственному. Мы обращаемся къ исторіи за вопросомъ, *что было, какъ было, что предшествовало и что необходимо слѣдовало*, а не за тѣмъ, чтобы узнать, благородные или неблагородные поступки совершались въ какомъ-то столѣтіи. И развѣ отвѣтъ на поставленные вопросы станетъ обязательнымъ для историка—мечта Бокля сбывается, а книга его будетъ дописана, хотя и не его рукой.

